

ПРОЧИ, ТОВАРИЩ!

Владимир Бардин

В ЮЖНЫХ
ПОЛЯРНЫХ
ШИРОТАХ

ПРОЧИ, ТОВАРИЩ!

Владимир Бардин

В ЮЖНЫХ
ПОЛЯРНЫХ
ШИРОТАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1980

л 8 (887)
Б 24

Scan+DjVu: AlVaKo
29/02/2024

Бардин В. И.

Б 24 В южных полярных широтах М., «Знание»,
1980.

96 с. + 16 с. вкл. (Прочти, товарищ!)

Автор — известный полярный географ, гляциолог, участник шести советских антарктических экспедиций — рассказывает об одном из последних своих путешествий в южные полярные широты.

Читатель познакомится с научными проблемами, которые решаются в наши дни в Антарктиде, узнает о жизни исследователей в необычных условиях, побывает в труднодоступных и слабоизученных районах шестого континента — на шельфовом леднике Фильхнера, в горах Шеклтона, совершит плавания на экспедиционных судах.

Для широкого круга читателей.

Б $\frac{20901-030}{073(02)-80}$ Б 3-69-008-79 1905020000 л 8 (887)

Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги.
Ибо земля нам сопротивляется.

Антуан де Сент-Экзюпери

ОТ АВТОРА

Антарктида для меня, так же как и для многих моих сверстников, попавших туда впервые 20 лет назад, была пределом мечтаний. И с тех пор каждый новый рейс на ледяной юг ожидался с радостным нетерпением.

Так было и на этот раз, когда заканчивались сборы в очередную 22-ю советскую Антарктическую экспедицию. Мне, гляциологу московского Института географии, предстояло принять участие в сезонных исследованиях советских ученых в районе базы Дружной.

Незадолго до начала экспедиции я встретился со старым школьным товарищем, ныне известным журналистом, сотрудником «Правды» Львом Лебедевым. Узнав, что я снова ухожу в Антарктиду, он предложил мне писать для газеты.

Материалы, опубликованные в «Правде» в 1976—1977 годах, и послужили канвой этой книжки о советских исследованиях в Антарктиде. Конечно, далеко не обо всем удалось рассказать в кратких репортажах-радиограммах, переданных стараниями экспедиционных радистов с далекого ледяного континента. И я не оставляю надежды, что в будущем удастся восполнить пробелы.

Мне хотелось бы выразить свою признательность товарищам по экспедиции — геологам, геофизикам, геодезистам, летчикам, с которыми интересно работалось на Дружной и в горах Шеклтона, поблагодарить гостеприимных моряков «Башкирии», «Пенжины» и «Эстонии», с которыми был в плавании. Со многими из них я хотел бы вновь встретиться в экспедиции.

...У Южного полюса лежит одна из величайших мастерских природы, тут — непочатый край для исследований представителей грядущих поколений

Карстен Борхгревинк

ГЛАВА I.

В ДОЛГОМ ПЛАВАНИИ

Экспедиция отправляется

Поздней осенью 1976 года к берегам далекого ледяного континента отправлялись суда 22-й советской Антарктической экспедиции. Первыми в конце октября из Ленинграда ушли дизель-электроходы «Михаил Сомов» и «Пенжина». Сразу вслед за ними — дизель-электроход «Капитан Готский».

За дизель-электроходами — основными транспортными судами экспедиции, начавшими поход с Балтики, — из Одессы взял курс на Антарктиду пассажирский лайнер «Башкирия». На его борту наиболее многочисленная группа полярников.

Различны курсы, которыми следуют корабли в южные полярные широты. Из Балтики путь лежит через Атлантику, из Черного моря — Суэцким каналом через Индийский океан. Но всем судам предстоит встречи у берегов шестого материка, куда будут доставлены полярники, всего около пятисот человек, и тысячи тонн разнообразных грузов: научное оборудование, экспедиционное снаряжение, транспортная техника, продовольствие. По размаху и сложности работ, широте поставленных задач, их научной значимости антарктическая экспедиция, бесспорно, одна из крупнейших в наше время.

Экспедиция укомплектована специалистами различных научных учреждений: институтов Академии наук, Гидрометеослужбы, Мини-

стерства геологии, Управления геодезии, картографии и аэрофото- съемки и ряда других ведомств. В составе экспедиции принимают участие несколько зарубежных ученых. Оперативное руководство всеми работами осуществляет ленинградский Арктический и Антарктический институт. Научные сотрудники, моряки, летчики, строители, механики-водители, врачи, радисты — вот далеко не полный перечень профессий тех, кому предстоит трудиться в Антарктиде.

Новая экспедиция произведет смену зимовщиков на шести южнополярных станциях — Молодежной, Мирном, Востоке, Беллинсгаузене, Новолазаревской, Ленинградской. На летний сезон намечены научные походы по труднодоступным внутриматериковым районам, комплексные картографические и геолого-геофизические работы в зоне гигантских шельфовых ледников Фильхнера и Ронне, где годом ранее была основана сезонная база Дружная.

Многие участники нашей экспедиции уже не раз бывали на ледяном континенте, другие впервые направляются в далекие южные широты. Но, пожалуй, не найдется ни одного человека, кто не испытывал бы чувства острого волнения, надолго расставаясь с родной землей.

Цель путешествия — закованный в лед южнополярный материк — еще далеко впереди. С какими трудностями столкнется наша экспедиция? Сумеет ли их преодолеть? Будет ли нам сопутствовать удача? Ведь и в наши дни Антарктида остается наиболее суровым и труднодоступным районом планеты.

Полярники среди тропиков

За первую неделю плавания пройдено более двух тысяч миль. Теплоход Черноморского пароходства «Башкирия» вошел в воды Аденского залива. Позади Черное и Средиземное моря, Суэцкий канал, Красное море. Судно пополнит запасы пресной воды в порту Аден и продолжит курс к югу через Индийский океан.

На борту теплохода 244 полярника. Судьбы многих из них уже давно крепко связаны с изучением южной «макушки» планеты. Шестой раз, например, идет в Антарктиду Василий Сидоров. Четырежды он возглавлял коллектив советской станции Восток, расположенной в наиболее суровом районе земного шара — на полюсе холода. Сейчас Сидоров назначен начальником научной обсерватории

Мирный. А на станции Восток полярники будут работать под руководством Юрия Зусмана, также неоднократно зимовавшего на ледяном континенте. Не раз ходили в Антарктику геофизик Юрий Струин, аэролог Игорь Корженевский, гляциологи Павел Королев и Константин Смирнов, биолог Сабит Абызов, механик Федор Львов и многие другие.

Да и теплоход «Башкирия», обычно совершающий круизные плавания по Черному и Средиземному морям, уже не новичок в Антарктиде. Два года назад судно успешно совершило свое первое плавание к шестому континенту. Сейчас его ведет туда капитан Ким Лоскутов. И еще один опытный моряк — капитан-наставник Владислав Маричев идет в этот рейс.

Для полярников на теплоходе созданы все условия, позволяющие не только всесторонне подготовиться к высадке в Антарктиде, но и отдохнуть перед долгой напряженной работой. К нашим услугам — удобные каюты, библиотека, кинозал. А на палубе в свободное время можно позагорать под лучами тропического солнца, искупаться в судовом бассейне. Экипаж корабля — палубная, машинная команды, пассажирская служба, служба ресторана — делает все возможное для успеха ответственного рейса. В свою очередь, и полярники, научные сотрудники экспедиции организовали для экипажа чтение лекций о природе Антарктиды.

Наше судно — это небольшая советская территория в море. Здесь моряки и полярники торжественно отметили 59-ю годовщину Великого Октября. На кормовой палубе построились все участники антарктического перехода, состоялся торжественный подъем Государственного флага СССР. А вечером состоялся концерт художественной самодеятельности. Здесь блеснули моряки. Девушки из экипажа, задорные одесситки, лихо станцевали «яблочко», вдохновляемые одобрительными взглядами полярников.

На палубе было жарко, влажно. Над головой сияло тропическое небо. Ничто еще не напоминало о ледяной Антарктиде.

В Антарктиду за микробами

Среди научных работников, находящихся на борту «Башкирии», представители разных специальностей. Научные программы многих весьма интересны и оригинальны. Гляциолог, доктор технических

наук Кирилл Войтковский будет изучать на станции Молодежной возможности создания взлетно-посадочной полосы на склоне антарктического ледника, способной принимать самолеты на колесах. А его сосед по каюте, кандидат биологических наук Сабит Абызов — микробиолог. Чем же привлекательна для него Антарктида?

Давно отвергнуто представление, будто материк у Южного полюса стерилен в микробиологическом отношении. Здесь обнаружено большое разнообразие микроорганизмов. Даже в образцах, извлеченных из снежной шахты на Южном полюсе, найдены бактерии. Как они попали в центральные, казалось бы, совершенно безжизненные районы шестого континента? Скорее всего их приносят сюда воздушные потоки. Теоретически нельзя исключить и возможность доставки их вместе с космической пылью.

Сотрудников лаборатории космической микробиологии Института микробиологии АН СССР, изучающих воздействие экстремальных факторов на микроорганизмы, заинтересовала возможность естественной консервации бактерий на ледяном континенте. Не могут ли микроорганизмы, занесенные в Антарктиду, сохраняться в условиях глубокого охлаждения многие тысячелетия? Ведь экспериментально доказано, что даже суровые условия космоса не исключают возможности выживания простейших микроорганизмов. Но пока не известно, насколько долго они могут находиться в анабиозном состоянии. Для ответа на этот вопрос Антарктида предоставляет уникальные возможности. Ведь в толще льдов, мощность которых кое-где достигает четырех километров, спрессованы слои, образовавшиеся десятки и даже сотни тысячелетий назад.

Коллектив ученых, возглавляемый академиком А. А. Имшенецким, решил провести натурные исследования — отобрать пробы снега и льда из различных слоев ледникового покрова Центральной Антарктиды. Выбор пал на станцию Восток, где зарегистрирован абсолютный минимум температуры, равный минус 88,3 градуса.

Технически наиболее сложной задачей, стоящей перед исследователями, было сохранение условий стерильности, исключающих возможность попадания в пробы, отобранные из льда, посторонних микроорганизмов. Над этой проблемой в течение ряда лет работают ученые Института микробиологии в содружестве с Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом и Ле-

нинградским горным институтом. На кафедре технологии и техники бурения скважин ЛГИ была создана специальная передвижная микробиологическая буровая лаборатория и разработано оригинальное устройство, позволяющее стерильно отбирать пробы из образцов льда, извлеченных с различных глубин.

Во время 20-й советской Антарктической экспедиции на станции Восток началась проходка скважины, предназначенной для микробиологических исследований. За два летних сезона пробурено было 207 метров и взято более 500 микробиологических проб, которые доставлены в Москву и детально изучены.

В результате этих исследований впервые из глубинных горизонтов ледникового покрова Центральной Антарктиды выделены различные формы микроорганизмов. Наиболее древние из «оживших» были извлечены с глубины 197 метров. Возраст этого горизонта льда оценивается примерно в 8,5 тысячи лет.

Сабиту Абызову, возглавляющему микробиологические работы на станции Восток, и инженеру Никите Бобину в этом году предстоит продолжить бурение, углубиться в древние слои льда, чтобы пробудить к жизни после многотысячелетнего сна еще более древнюю микрофлору.

Позади шесть тысяч миль

Время в плавании бежит быстро. Кажется, только что вышли в рейс, но уже наступила четвертая неделя плавания и от берегов Родины пройдено более шести тысяч миль. Мы продвигаемся все дальше и дальше к югу. Во время кратковременного захода на живописный остров Маврикий, расположенный в тропических широтах Индийского океана, на борт теплохода погрузили картофель, лук, помидоры, арбузы, бананы, апельсины. Скоро свежие овощи и фрукты украсят столы полярников Антарктиды.

Когда остался позади тропик Козерога, жара начала спадать, на палубе становилось все прохладнее. В ясные ночи впереди по курсу видно знаменитое созвездие Южный Крест. Привычная для Северного полушария Большая Медведица пропала за кормой. Судно вошло в воды Южного океана.

Экипаж заблаговременно готовится к возможному ухудшению погоды. У старшего помощника капитана С. Родина и боцмана

А. Копейки прибавилось забот. Плавание в этих водах требует особой осмотрительности. Ревущие сороковые и неистовые пятидесятые широты названы так не случайно, они издавна пользуются у моряков дурной славой. Штормовые ветры, густые туманы, встречи с айсбергами осложняют продвижение к цели.

«Башкирия» держит курс к островам Кергелен, где в случае благоприятной погоды пополняется запасы пресной воды. Хотя во льдах южнополярного материка сосредоточено около 80 процентов мировых запасов пресных вод, вода в привычном, жидком виде в Антарктиде — редкость, и кораблям далеко не всегда удастся наполнить танки у берегов шестого континента.

«Острова отчаяния»

Архипелаг Кергелен нередко называют «островами отчаяния». Гористые, лишённые древесной растительности, с вершинами, увенчанными снежными шапками, они действительно производят суровое впечатление. Для моряков многочисленные фиорды этих островов — естественные гавани, желанное укрытие от штормов Южного океана. На берегу одного из таких заливов на юго-востоке архипелага расположена французская научная обсерватория Порт-о-Франс, на рейд которой встала наша «Башкирия».

Заходы кораблей на Кергелен редки. Острова находятся в стороне от морских путей. Эти места посещают лишь научные и промысловые суда. Поэтому появление на рейде нарядного пассажирского теплохода вызвало среди сотрудников французской обсерватории большое оживление. В Порт-о-Франс живут и работают около 100 человек, одни мужчины. Это и есть все население острова, которое полностью меняется каждый год.

В геофизических исследованиях, которые ведутся на Кергелене, периодически принимают участие и советские специалисты. Среди французских ученых оказались люди, знакомые с Антарктидой, — ведь Франция ведёт постоянные исследования на шестом континенте. Один из представителей администрации на острове несколько лет назад участвовал в работах советской Антарктической экспедиции. Все это определило дружеский характер встречи. Французские специалисты были радушно приняты на советском судне. В свою

очередь, наши полярники и моряки посетили научную станцию, осмотрели лаборатории, побывали в жилых домах, кают-компаний и небольшом спортзале.

На станции есть оранжерея, где выращивают овощи, птицеферма, приносящая по 100 яиц ежедневно, разводят здесь также баранов и свиней.

Гостеприимные хозяева предоставили возможность группе научных сотрудников нашей экспедиции — географам и геологам совершить экскурсию по окрестностям станции. На острова пришло лето. Ярко зеленеют лужайки. На прибрежных пляжах множество тюленей, морских слонов и леопардов, пингвинов. Территория большей части Кергелена является заповедником. О прошлом варварском истреблении морского зверя напоминают лишь потемневшие от времени чугунные чаны для вытапливания жира, которые можно увидеть кое-где на побережье.

Во внутренних районах острова жизнь беднее. Склоны холмов изрыты норами кроликов: они расплодился в огромных количествах, принося ощутимый вред естественной растительности острова. Прочно обосновались здесь также завезенные кораблями мыши и крысы. В окрестностях станции можно встретить одичавших собак и кошек.

Погода на Кергелене исключительно неустойчива. Изредка проглядывает солнце, но тут же задувает холодный ветер, начинает идти дождь или мокрый снег. Но, конечно, по сравнению с Антарктидой климат островов гораздо менее суров, растительность и животный мир — богаче, жить и работать здесь легче.

В одном из живописных фиордов острова экипаж теплохода «Башкирия», несмотря на непогоду, сумел произвести заправку пресной водой из водопада, спадающего к самому морю. Теперь курс судна лежит прямо к берегам Антарктиды.

Встречи среди айсбергов

1 декабря на 61-м градусе южной широты в 500 милях от станции Молодежная в поясе плавучих льдов мы встретились с научно-экспедиционным судном «Михаил Сомов» Этот дизель-электроход, названный в честь прославленного полярника Героя Советского Со-

юза, руководителя первой советской экспедиции в Антарктиду, пришел на смену легендарной «Оби», без которой ранее не обходилась почти ни одна антарктическая экспедиция. Привел корабль к ледовому континенту капитан М. Михайлов. Трюмы судна заполнены грузами для зимовок. На палубе вплотную друг к другу стоят контейнеры, части самолета Ил-14, вездеходы. Выделяются три огромные ярко-красные машины. Это новые «харьковчанки» — мощные снегоходы, предназначенные для маршрутов к центральным районам южнополярного материка.

С «Башкирии» на борт «Михаила Сомова» шлюпками переправили 97 участников экспедиции. Им предстоит работать на Молодежной.

А «Башкирия» взяла курс на запад в район Земли Королевы Мод, к мысу Норвегия — ледяному выступу Берега Принцессы Марты, куда одновременно с нами должны прибыть дизель-электроходы «Пенжина» и «Капитан Готский». Многие географические наименования в этой части побережья даны норвежскими мореплавателями в первой половине нашего века. Но здесь же, особенно в горах Земли Королевы Мод, первоисследователями значительной части которых были советские географы и геологи, на карте можно увидеть имена русских полярников, космонавтов, видных ученых и даже литераторов. Здесь есть горы Кропоткина, Курчатова, Русанова, Маяковского, скалы Урванцева, горные хребты Юрия Гагарина, Горького... Географические наименования на карте Антарктиды наглядно отражают историю исследования, интернациональные усилия в деле изучения далекого материка. Велик тут вклад наших соотечественников — мореплавателей прошлого и современников. Именно в этом районе у берегов Земли Королевы Мод 28 января 1820 года и была впервые «усмотрена» Антарктида экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева...

У берегов Земли Королевы Мод

Теплоход «Башкирия» продолжает плавание, следуя вдоль берега Земли Королевы Мод. Впрочем, самого берега мы не видим, до него несколько сот миль, непроходимый для пассажирского судна ледовый пояс. Но и здесь, у кромки дрейфующих льдов, на пути часто встречаются айсберги, и вахтенный штурман то и дело вы-

нужден менять курс, обходя плавающие ледяные горы. Если видимость ухудшается, судно сбавляет ход, и за айсбергами следят по локатору.

На берегу Земли Королевы Мод в этом районе находится советская станция Новолазаревская. Это одна из самых уютных зимовок в Антарктиде. Живет здесь обычно не более двадцати человек. Для меня эти места памятные. Во время 6-й и 12-й антарктических экспедиций я работал в горах Земли Королевы Мод и неоднократно бывал на Новолазаревской.

Станция расположена в оазисе — сравнительно небольшом каменистом участке, окруженном ледниками. В летнее время в окрестностях станции журчат ручьи, в котловинах между сопками синеют озера. А на скалах встречаются зеленые подушки мхов, корочки разнообразных лишайников — желтых, черных, оранжевых. Образцы породы с этими своего рода антарктическими «цветами» полярники нередко увозят домой на память об экспедиции. В солнечный день температура воздуха в оазисе повышается до 6 градусов, скалы же нагреваются значительно сильнее. Кто бывал здесь только летом, считают Новолазаревскую «курортом». Однако зимой на станцию, расположенную у подножия крутого склона ледникового покрова, обрушиваются с гор ураганные ветры.

Эта маленькая зимовка была открыта в начале 1961 года. Первым ее начальником был молодой умелый полярник Владислав Гербович. Как раз в ту первую зимовку врач Новолазаревской Л. Рогозов сделал смелую операцию — удалил сам себе аппендикс. Именно после этого случая на всех антарктических станциях стали работать по два доктора.

Везло станции с начальниками и в последующие годы. В. Аверьянов, В. Самушкин, В. Захаров, В. Спичкин, В. Измайлов, В. Дубовцев, Н. Дмитриев — вот далеко не полный перечень руководителей, о которых можно услышать немало добрых слов. Да и, конечно, не только о руководителях станции их можно сказать. Отлично потрудились здесь гляциологи В. Федотов, И. Симонов, геофизики Л. Шульпин, Б. Моисеев, аэролог И. Корженевский и многие другие. Новую зимовку на Новолазаревской возглавит Ю. Евтодьев — гляциолог с Камчатки. В Антарктиду едут специалисты из самых разных уголков нашей Родины. На станции в оазисе зимовали зарубежные

ученые — представители Англии, США. Интересные исследования выполняют там радиофизики ГДР, изучающие ионосферу.

«Ледовый мешок» моря Уэдделла

Прошла еще неделя, и на траверзе мыса Норвегия мы встретились с дизель-электроходом «Пенжина». Около суток суда стояли борт о борт. Наша группа перешла на борт ледокольного судна. «Пенжина» поделилась с «Башкирией» запасами воды и топлива. И корабли разошлись. «Башкирия» направилась на восток в район обсерватории «Мирный». «Пенжине» и «Капитану Готскому» предстоит двигаться к юго-западу, проникнуть в море Уэдделла, к базе Дружная.

«Ледовый погреб», «ледовый мешок», «адская дыра» — такие названия закрепились за морем Уэдделла. Не раз экспедиции сюда заканчивались неудачей, порой даже гибелью судна. В начале нашего века англичане под командованием известного полярного исследователя Эрнста Шеклтона пытались пройти в это море на судне «Эндьюранс» («Стойкость»). Шеклтон надеялся высадиться на берег как можно дальше к югу, чтобы потом совершить трансантарктический переход к морю Росса. Предполагаемое место высадки английской экспедиции находилось неподалеку от теперешней базы Дружной. Но англичанам не суждено было высадиться на берег. Судно затерло и сковало льдами. Более девяти месяцев продолжался его дрейф, и в конце концов оно было раздавлено. Это произошло в 1915 году.

Казалось бы, современным судам не угрожает особая опасность. Но все еще памятны недавние события, когда дизель-электроход «Обь» был затерт льдами у берегов Восточной Антарктиды в районе станции Ленинградская и в течение трех месяцев дрейфовал вместе со льдами по воле течений.

Накопленный к настоящему времени опыт плавания судов в море Уэдделла показывает, что в летнее время вдоль восточного побережья «ледового мешка» от мыса Норвегия на юго-запад обычно располагается полынья. По такой полынье предыдущей, 21-й советской экспедиции удалось проникнуть в глубь моря Уэдделла и организовать на прибрежном леднике базу Дружную. Но насколько благоприятными будут ледовые условия на этот раз?

...Через несколько дней дизель-электроходы пробились сквозь поля тяжелых льдов и вошли в полынью. Полоса чистой воды тянулась на сотни километров вдоль отвесных обрывов ледяного берега. Она напоминала реку, извиляющуюся в ледяных берегах, но кое-где расширялась до размеров крупного озера.

Суда следовали друг за другом вдоль ледяного барьера, обходя айсберги. На льдинах, попадающихся по курсу, оживление. Небольшие, подвижные пингвины Адели убегают от надвигающейся тени судна. Более солидные императорские пингвины тревожно вытягивают шеи, но остаются стоять на месте, сохраняя достоинство. Лишь лежебоки тюлени не проявляют к нам внимания, нежатся под полярным солнцем. Большинство участников экспедиции высыпало на палубу. Антарктида в солнечные дни удивительно красочна. Низкое, незаходящее круглые сутки полярное солнце окрашивает облака, льды, воду в нежные синие, голубые, розовые тона. Удивительное сочетание красок, в этой гамме нет только зелени. А несколько дней назад тяжелая облачность закрывала весь небосвод, кругом было серо, тускло, уныло, и вылезать на палубу не хотелось.

На траверзе английской полярной станции Халли-Бей, расположенной на прибрежном леднике, в бинокль мы разглядели радиомачты. Англичане уже ряд лет ведут здесь круглогодичные исследования. Кроме них, в этом районе по соседству с Дружной расположились небольшая аргентинская зимовка Хенераль Бельграно. Если ледовая обстановка будет благоприятствовать, от Халли-Бей до Дружной не более суток хода...

В последний вечер полярники собрались в уютной кают-компании. Это был импровизированный прощальный вечер. Мой сосед по каюте, геолог из ГДР, Ганс Пейх показал слайды с видами своего родного Берлина. Один из пилотов Виктор Гаврилин играл на пианино, пел, ему подпевали.

Из иллюминаторов доносилось уже ставшее привычным шуршание льдов об обшивку, корпус судна временами вздрагивал. Миля за милей мы приближались к цели. И помыслы участников экспедиции все чаще обращались к предстоящей встрече с Дружной. Долгое плавание через моря и океаны от берегов Родины до ледяного континента заканчивалось.

Антарктида — континент, закованный в лед. Континент белых, бесконечных дорог, по которым полярные исследователи шли для того, чтобы неизвестное стало известным.

Алексей Трейников

ГЛАВА 2.

НА ЛЕДЯНОМ БАРЬЕРЕ

Разгрузка

15 декабря в два часа пополудни дизель-электроходы «Пенжина» и «Капитан Готский» подошли к побережью моря Уэдделла, где на краю гигантского шельфового ледника, всего в 1300 км от Южного полюса, находилась сезонная база Дружная.

Полуторамесячное плавание закончилось. За короткий летний сезон нам предстояло провести исследования в районе, пожалуй, наименее изученном в Антарктиде.

Как сложится полевой сезон? В каком состоянии мы найдем базу? Зимой на Дружной никого не было. За долгую полярную ночь домики, конечно же, занесло снегом. Это обычно случается со всеми постройками на прибрежных ледниках. Но у строителей Дружной не было выбора: в этом районе на сотни километров не отыщешь ни единого скального выхода — только снег и лед. К тому же ледяной берег не опирается здесь на грунт, ледяная плита лежит прямо на водной поверхности.

Такие плавучие ледники называются шельфовыми. Они широко распространены в Антарктиде. Шельфовый ледник Фильхнера — Ронне, на краю которого расположилась Дружная, один из самых крупных. Чтобы оценить его размеры по привычным европейским масштабам, достаточно сказать, что территория этого ледника в полтора раза превышает площадь Италии.

Береговая линия шельфовых ледников весьма изменчива. Края постепенно выдвигаются в море и в конце концов обламываются, порождая айсберги. Порой размеры их достигают сотен и тысяч квадратных километров. Предугадать, когда и в каком месте родится новый айсберг, трудно. А если это случится как раз там, где расположена наша база? Такие мысли не раз приходили в голову во время рейса.

И вот все высыпали на палубу, с волнением ожидая встречи с Дружной. Домиков базы даже с верхнего мостика разглядеть не удавалось. У края невысокого, в 4—5 метров, ледяного барьера чернело несколько бочек, обозначавших место, где в прошлом году швартовались корабли. Дальше от моря берег полого повышался, и там на склоне виднелась полузанесенная снегом цистерна, а около нее — уже целое скопище бочек. За этими приметными ориентирами и должна была находиться Дружная.

Но швартоваться к барьеру на этот раз было невозможно. Морской лед — неровный, торосистый, с большими сугробами — преграждал путь к берегу. Всего-то полоса припая шириной метров триста, но кораблю не пробиться: лед толстый, вязкий. Попробовали было дизель-электроходы скалывать лед корпусом — дело шло медленно. Капитаны нервничали — большой расход топлива да и риск немалый: суда хотя и ледового класса, но не ледоколы, корпус может не выдержать. Исккали другое место, но барьер или слишком высок, или неровен, а то и вовсе смялся, вздыбился вверх: не иначе плавучая ледяная гора наскочила здесь на берег. Такие вмятины называют у нас «поцелуем айсберга».

Было решено разгрузиться на припай. На лед высадились бригада с ломами и лопатами, начала сбивать торосы, готовить дорогу к барьеру. Разгрузка кораблей в Антарктиде — одна из самых напряженных операций. В ней принимают участие все без исключения. Бригады трудятся по 12 часов, сменяя друг друга. Предстоит выгрузить тысячи тонн разнообразных грузов, от бочек с горючим до таких негабаритных и деликатных, как самолеты Ил-14. И все это без всякой портовой техники, в самые сжатые сроки: того гляди испортится погода, задует пурга. Но пока в небе ни облачка, тихо.

Капитан «Пенжины» Михаил Петров закончил свою смену совсем

осипшим — сорвал голос. Его сменяет дублер Виктор Кузин. Он значительно моложе, спокойнее и у него другая тактика. В зубах свисток. Посвистывает с мостика, следя за работой крановщика. Отдаст команду — и знай посвистывает. Прекратит свистеть — крановщик тут же стопорит лебедку, ждет новой команды. Этому дублер у японских портовиков научился. Считает — рациональнее, чем руками махать или горло драть. А капитан так не может. Говорят, пробовал, но не получилось — слишком горяч. Не выдержал, закричал, чуть свисток не проглотил.

Разные темпераменты капитана и дублера отразились и на их комплекции. Петров худой, кожа да кости. Кузин, хотя в сыновья годится капитану, — упитан, дороден. Но столь разительное несходство не вредит делу. Наоборот, капитан и дублер прекрасно дополняют друг друга и хорошо ладят.

Сгружать «илы» помогают все. С берега страхуют оттяжками зависший в воздухе громоздкий фюзеляж. Главное — не дать ему вращаться, не зацепить краем за борт. Потом под общую команду: «Раз, два, взяли!» — опускают самолет на лед.

Все самолеты у нас в лыжном варианте. Отбуксировать машину на барьер трактором уже не составляет большого труда. Затем на сани сгружают громоздкие упаковки с плоскостями самолетов. И вскоре авиамеханики, облюбовав себе место на краю барьера, приступают к сборке.

А мы работаем у судов. Принимаем на лед с корабельных стрел металлические контейнеры с продовольствием и снаряжением, деревянные ящики с приборами, панели сборных домиков, а чаще всего — сетки с бочками.

Бочек этих в трюмах нескончаемое количество: больше пяти с половиной тысяч. В них бензин разных марок для самолетов и вездеходов, керосин для вертолетов, дизельное топливо для электростанции. На Дружной много техники: два Ил-14, два Ан-2, два вертолета Ми-8. И еще тракторы, вездеходы. Без горючего шагу не ступишь.

По льду у бортов носится маленькая серая с темными подпалинами дворняжка. Прыгает, ластится к полярникам. Кличка ее Макар. Три года назад крохотным щенком оказалась она неизвестно как на «Капитане Готском» и с тех пор плавает на судне, стала заправским

моряком, а теперь еще и полярником. И по всему видно, Антарктида ей нипочем!

Разгрузка набирает темп. Через каждые 5—7 минут над нами зависает вертолет. Под брюхом у него болтается металлический крюк — гак, как принято называть у моряков. За него нужно зацепить металлическую сеть с бочками либо контейнер, а то уже собранный жилой домик.

Вертолеты — незаменимые помощники, без них разгрузка шла бы куда медленнее. А тут только успевай поворачиваться. Расправляем на деревянном настиле колючую непослушную сетку, закатываем на нее дюжину бочек, вплотную друг к другу. Еще не перевели дух — над головой свистит вертолет.

Самый ответственный момент — застропить груз, зацепить края сетки за вертолетный гак. Эта операция особенно ловко получается у белобрысого паренька, радиотехника Дружной Гриши Клемяционка. Он бесстрашно лезет под брюхо трепыхающегося в метре-двух надо льдом вертолета. Остальная часть погрузочной бригады укрывается в этот момент кто где от ураганного ветра, поднятого вращающимися лопастями. Ветрило норовит сорвать шапку, продувает ватный костюм, пробирает до костей. Снежная крупа сечет лицо, залепляет защитные очки. Грохот царит невообразимый, объясняться можно только знаками.

Механик вертолета в шлемофоне с радионаушниками лежит на полу кабины, наполовину высунувшись в дверцу, заглядывает вниз, следит, как Гриша цепляет сетку, и сообщает в микрофон пилотам. Вертолетчики Виктор Гуськов и Владимир Ледков — пилоты экстра-класса. Другим здесь делать нечего — работа ювелирная. И цепляющему сетку — гакману, если выразаться по-корабельному, тоже зевать не приходится. Гриша, хотя и первый раз в Антарктиде, все делает споро. А опыт тут же приобретает: известно, что на ошибках быстрее учатся. Один раз чуть колесом его вертолет не придавил. Другой — сгоряча схватился Гриша за гак голой рукой — током дернуло, руку осушило: сильнейший заряд статического электричества накопился на конце металлического троса. Сидел потом с полчаса Гриша в стороне на бочках, себя корил: «А еще радиотехник!» Пришел в себя — и снова за работу.

Не уступает Грише в умении стропить грузы и наш иностранный

коллега Ганс Пейх. Он тоже впервые в Антарктиде, но освоился сразу. В яркой непродуваемой пуховой куртке, с пунцовыми щеками он похож на тролля с рождественской открытки.

С Гансом мы плыли в Антарктиду в одной каюте и подружились. Он хорошо знает русский язык, не раз бывал в нашей стране. Характер у него легкий, общительный. К тому же он на редкость сообразителен. Все схватывает буквально на лету.

И еще один зарубежный специалист — геолог из Лос-Анджелеса Эдвард Грю трудится в нашей бригаде. И ему нельзя отказать в трудолюбии. Огромные трехсоткилограммовые бочки он катает по настилу из досок с редкостным упорством. И при этом совсем не обращает внимания на то, что делается вокруг. Несколько раз его приходилось оттащить в сторону, оберегая от накатывавшихся сзади бочек. Но случалось, его слегка придавливало. В таком случае Эдвард недоуменно оглядывался, не сразу понимая, что произошло, потирал ушибленное место и снова с прежним рвением принимался за работу.

По характеру Эдвард медлителен, флегматичен. Зато настойчивости ему не занимать. И русский он освоил не хуже Ганса. У Эдварда в арсенале такие поговорки, как «первый блин комом», «поспешишь — людей насмешишь». Только манера говорить у него другая, неторопливая. Эдварда многие знают в экспедиции. Он не новичок в Антарктиде. Однажды зимовал у нас на Молодежной. Только собачонка Макар никак не признает его за своего. Как увидит американца, заливается лаем. Эдвард каждый раз с удивлением рассматривает вертящегося у ног песика, обводит всех своими большими, как спелые сливы, глазами, словно вопрошая: «Ну чего ему от меня надо?» Внешне Эдвард мало походит на геолога. Стройный, с гривой черных волос, длинным носом, тонкими пальцами. Его можно скорее принять за музыканта. Со скрипкой в руках он выглядел бы куда органичнее, чем в обнимку с бочкой!

На разгрузке не обойтись без казусов. Тем более что у нас много начальников. Вот наш бригадир, он же глава геологического отряда, посылает меня с одним из геологов на Дружную принимать бочки. Мы с готовностью заползаем в приземлившийся вертолет. На Дружной командует начальник базы. Он считает, что людей здесь и так достаточно и отправляет нас обратно. Однако бригадир

не сдается. В течение 20 минут нас трижды перебрасывают с одной точки на другую. Руководители впали в амбицию, не хотят уступать друг другу. У вертолетчиков глаза на лоб лезут: они не могут взять в толк, почему нас надо возить через рейс то туда, то обратно. Мы же сами пока не освоились с обстановкой, не сопротивляемся, считаем: начальству виднее. К очередному полету команда вертолета уже настолько привыкла к нам, что вообще забыла нас высадить. Так мы и катались с ними еще два рейса!

В конце концов начальник базы одолел бригадира, и мы вернулись на прежнее место. Бригадир был раздосадован. Он считал, что мы не проявили должной инициативы. Ганс, как всегда, с лету оценивший ситуацию, смотрел на наши кислые физиономии и давился от смеха. Один Эдвард невозмутимо катал бочки. Такие нюансы, как борьба самолюбий, до него просто не доходили.

Погода портится. Перед самым концом смены с борта судна старый знакомый по антарктическим экспедициям Виктор Лебедев крикнул: «Слышь, Володь, тебе тут какая-то чудная радиограмма из Якутска». Радиограмма была действительно необычная.

«Прошу сообщить сохранилось ли на острове Кергелен стадо северных оленей, завезенных туда 50 лет назад. Профессор Андреев».

Кто такой профессор Андреев, я понятия не имел. На Кергелене про северных оленей мы ничего не слышали. Впрочем, кажется, одной из судовых буфетниц галантные французы, хозяйева острова, преподнесли на память какие-то рога. Раз этот вопрос так беспокоит профессора, нужно помочь. «Пенжина» по пути в Австралию зайдет на Кергелен. Может быть, первый помощник капитана сумеет разузнать об оленях.

Пошел снег, видимость ухудшилась, и вскоре разгрузка прекратилась. Сваливаем в кузов вездехода личные вещи и отправляемся на Дружную — устраиваться. С трудовой жизнью покончено. Как только разгрузка завершится, суда покинут базу. Вернется же за нами одна «Пенжина».

Новоселье

Против ожидания Дружная оказалась не слишком занесена. Снег засыпал домики на треть или наполовину, лишь кают-компания была погребена почти по крышу. Но бригада, проводящая раскон-

сёрвацию базы, сумела откопать вход, и повар уже хлопотал у плиты.

Наш домик — стандартный, собранный из панелей, пригнанных друг к другу и стянутых болтами. Такие дома уже давно используются в Арктике. Название их мудреное — ПДКО, что означает «полярный дом Канаки — Овчинникова». Дом простой, незатейливый. Коробка пять метров в длину, два с половиной в ширину. До потолка можно достать рукой. Вход через обычную дверь, без тамбура. Окна маленькие, квадратные. Толщина стен невелика, но сквозь них не продувает. У входа установлена небольшая печь, работающая на соляре или керосине. В отличие от газовых плит, которыми мы отапливались в полевых лагерях в прошлом, она удобнее и безопаснее.

Таких домов на Дружной несколько десятков. Четырьмя рядами выстроились они на расстоянии 40—50 метров друг от друга, образовав подобие улиц. И ни одного пустующего помещения. Наоборот, спальных мест не хватает. Идет сборка новых зданий: база должна принять 135 человек.

Летчики привезли с собой жилище собственной конструкции — огромный металлический цилиндр, своего рода цистерну на колесах. Очень гордятся этим сооружением. В нем весу тонн 30. Внутри три отсека: кухня, столовая и спальная. Есть даже персональный туалет, но он не работает из-за отсутствия водопровода. Пока чудодом сгружали с корабля, немало крепких слов было сказано в адрес тех, кому взбрело в голову везти в Антарктиду это громоздкое металлическое сооружение. Поселились в цистерне начальник авиаотряда и его заместитель.

В нашем домике мы устраиваемся вчетвером: начальник отряда, он же наш бригадир на разгрузке, Ганс, Эдвард и я. Словом, интернациональный домик. Бригадир еще не отошел после схватки с начальником базы и компенсирует поражение тем, что безоговорочно занимает своими вещами все ящики единственного письменного стола. Я пытаюсь отвоевать один из них, но терплю поражение. Мой начальник держит круговую оборону. Недаром знающие его геологи говорят: «Его ничем не возьмешь, он как в кольчуге, бронированный».

Затаскиваем в помещение все, что боится мороза. Остальное

снаряжение складываем вблизи дома на фанеру и закрываем брезентом. Потом наводим марафет внутри: вколачиваем гвозди для вешалок, сооружаем кое-какие полочки. Работы не так уж много, дом обжит прошлой экспедицией.

На противоположной от двери стороне — нары. Как в железнодорожном купе — два верхних места, два нижних. Еще от предыдущей экспедиции на стене остались висеть самодельные декоративные ходики, рядом на фанерке — автографы первых жителей дома.

Наш начальник, заняв нижнее место с правой стороны, предлагает устраиваться нам. Мы с Гансом размещаемся наверху. Я — над начальником, Ганс — над американцем.

— Кто-нибудь из вас храпит? — сурово спрашивает наш руководитель.

— На судне мне говорили, что вы сильно храпите, — отвечает находчивый Ганс и лукаво сверкает глазами в мою сторону.

Начальника, однако, не пробьешь тонкой иронией. Он усаживается за стол и набрасывает план первоочередных действий, пункт за пунктом. Тут же, согласно плану, напоминает Гансу и Эдварду, чтобы напитки все были занесены в домик, особенно пиво, а то промерзнет. Наши иностранные коллеги привезли с собой по ящику спиртного, так сказать, представительские запасы. Начальника особенно заботит пиво. И тут разговор как-то сам собой заходит о его сортах. Наш руководитель оживает, маска суровой озабоченности на его лице начинает смягчаться. К тому же он демонстрирует настолько глубокие познания в этом вопросе, что мы внимаем ему, развесив уши.

Еще полчаса назад он выглядел безучастным, холодным, действительно словно одетым в броню. А сейчас оттаял, подобрел. Ганс поспешно вскрывает несколько бутылок немецкого пива. Эдвард, заражаясь его примером, выставляет пару банок американского. С новосельем! В приподнятом настроении мы шагаем на обед. На улице пуржит, но холода мы не ощущаем.

В столовой потоп, влажно, как в бане. Снег на крыше тает, струйки воды просачиваются внутрь, заливают пол, капают на столы и лавки. Кают-компания составлена из нескольких домиков ПДКО, но места все равно не так уж много, в часы пик не протолкнуться.

На кухне работать нелегко. Помещение тесное, не развернешься.

К тому же электрические приборы пока бездействуют из-за нехватки электроэнергии. Все готовится на газе, а конфорок не хватает. Повар — новичок в Антарктиде, суетится, то и дело высовывается из камбуза, уговаривает обедающих: «Ничего, мальчишки, скоро запустят новый дизель, наладим электропечь — задержки не будет! Угощайтесь пока холодной закуской».

Бородатые «мальчишки» хмуро жуют, на монолог повара никак не реагируют.

«Давайте, мальчишки, разливайте первое», — снова появляется повар, заносит бачок с дымящимися щами. Чувствуется, он волнуется, переживает. Первые шаги самые трудные.

А на улице пуржит пуще прежнего. Видимость — метров 50—70. За оазисом из желтых домиков все погружено в молочную пелену, Ни моря, ни корабельных мачт не видно. Если сейчас расколется ледник и мы окажемся на айсберге, то и не заметим!

Втроем — Ганс, Эдвард и я — отправляемся на послеобеденную прогулку. Подходим к цепи бочек, которыми оконтурены границы станции. За бочки ходить строго-настрого заказано: под снегом могут быть неопознанные трещины. Шельфовые ледники, на первый взгляд безопасные, полны коварных ловушек, укрытых с поверхности снежными мостами. Их ровная поверхность усыпляет бдительность. К тому же в тумане, потеряв ориентировку, можно оказаться на барьере и свалиться в море. Не так далеко от нас на побережье Земли Королевы Мод однажды разыгралась такая трагедия. Трое участников международной Норвежско-Британско-Шведской экспедиции упали в ледяную воду. Ценой невероятных усилий спасти удалось лишь одного...

Мы не выходим за цепь бочек. Эдвард, уже продемонстрировавший на разгрузке особое пристрастие к этому виду тары, навалился на здоровый ржавый бочонок, меланхолично постукивает по нему утепленной американской бутсой, слушает, как тот ему отвечает.

— Какова толщина нашего ледника? — обращается он ко мне.

— Геофизики говорили, в районе базы около 400 метров, к берегу — меньше.

— Подо льдом океан?

— Да, еще несколько сотен метров до дна.

— А известно, с какой скоростью движется ледник?

— Геодезисты уже сделали прикидку. За год Дружная сместилась почти на два километра к северу.

Эдвард задумывается и уже с какой-то новой интонацией ударяет по бочке. И та отвечает ему по-новому.

— Шесть метров в сутки делаем по направлению к дому, — подводит итог нашему разговору быстрый Ганс.

Первый блин комом

Утром Эдвард объявил, что погода «разгуливается». Оба наших иностранных коллеги щеголяют русскими выражениями и пословицами. Эд без улыбки, серьезно. Ганс весело, непринужденно, с какой-то, можно сказать, французской легкостью. Излюбленное его выражение на данный момент — «вкривь и вкось».

Нашу бригаду снова бросают на бочки. Только на этот раз не к борту судна, а на базовый склад. Вертолеты один за другим доставляют сетки с бочками, опускают их на снег. Ловкий Гриша отсоединяет от гака петли сетки — все, кроме одной. Вертолет взмывает, сетка дергается — бочки вываливаются. Машина уходит с пустой сетью за новой порцией, мы же разбираем кучу, ставим бочки на попа. Оставишь их лежать — первая же пурга занесет, не отыщешь.

Несколько в стороне от нас, вблизи своего металлического чудодомы, летчики разметили взлетно-посадочную полосу. Поверхность шельфового ледника в районе базы ровная, трещин нет. Начальник авиаотряда ходил по полосе, остался доволен, даже отказался от ее укатки. Говорят, он решил сегодня сделать пробный взлет на Ил-14. С самого утра у самолета копошатся техники, который час уже гоноят моторы.

Короткая передышка между рейсами вертолетов. Можно взобраться на бочки, осмотреться. Ряды их выстроились широкой полосой. Большая часть бочек выкрашена в зеленый цвет. На ослепительно белом снегу россыпь зеленых предметов ласкает глаз. Естественной зелени в Антарктиде практически нет, и мы уже начинаем ощущать цветовой голод.

Но вот снова стрекочет вертолет, и над нами висит сетка с бочками. Одна из пробок затянута неплотно, и нас обдает бензиновым душем. Отплываешь, протираешь рукавицей... и за работу.

Вертолет ушел. Слышим моторы Ил-14 взрвели на полную мощ-
ность. И вот самолет стронулся с места, заскользил по снегу, набира-
я скорость.

— Пробует полосу, — авторитетно заметил бригадир.

Двигается Ил неровно, рывками, покачивая носом. Но пилот — а
за штурвалом сам начальник авиаотряда — не снижает скорости. За
хвостом вздымается облако снежной пыли.

— Во, дает! — не может скрыть восхищения наш гакман Гриша.
Он еще не привык к Антарктиде, и многое его здесь поражает.

Неожиданно самолет словно спотыкается, хвост его вздергивает-
ся вверх. Ил-14 клюет носом и замирает.

Почти одновременно каждый из нас издает какой-то нечлено-
раздельный возглас. По полосе вслед за самолетом уже бегут тех-
ники. Летевший к нам вертолет сбросил сетку с бочками где-то в
стороне, и тоже пошел к месту аварии. И мы не раздумывая побе-
жали туда.

Зрелище это тревожное — большая машина с красным хвостом,
уткнувшаяся в снег. Нос самолета помят, винты изогнулись колесом.
Я впервые свидетель такого происшествия в Антарктиде. Раньше
только в документальном фильме видел, как капотировал при по-
садке американский легкий аэроплан. Американским авиаторам в
Антарктиде не везло: они разбили здесь не одну машину. Случа-
лись и катастрофы. наших же летчиков в этот раз бог миловал —
все уцелели. И самолет не загорелся. Только вот сможет ли он
когда-нибудь подняться в воздух? Для геофизиков это вопрос
немаловажный. Ведь машина оборудована как летающая геофизи-
ческая лаборатория, на нее возлагались большие надежды. Вот уже
поистине «первый блин комом», как любит выражаться наш Эд.

После первого замешательства все возвращаются по своим ме-
стам. Мы продолжаем разгружать бочки, то и дело поглядывая на
потерпевший аварию самолет, около которого хлопочут техники
наземной авиационной службы. Им предстоит дать заключение о
судьбе машины. Ясно, что без мастерской и специального ремонтно-
го оборудования, на продуваемом ветрами леднике сложный ре-
монт сделать будет трудно. Какой авиамеханик теперь после аварии
поручится за машину? Возьмет на себя ответственность, что в даль-
нем полете с ней ничего не случится? Но даже если в принципе

окажется возможным восстановить самолет, то сколько на это понадобится времени? Антарктическое лето коротко. Не успеешь оглянуться — полевой сезон закончится. Правда, о начальнике наземной авиационной службы инженере Аркадии Колбе идет добрая слава. Хорошо знают его и в Арктике, и в Антарктиде. Когда он появляется в кают-компании, пилоты присаживаются рядом, не дышат, ждут, что он скажет.

А Колб хмурый, с бронзовым от работы на солнце и ветре лицом, в комбинезоне, пропитанном машинным маслом, молчит. Наскоро перекусит и обратно к самолету.

И вскоре базу облетает известие: бригада Колба берется восстановить машину, только для этого нужен ряд запасных частей, которых на Дружной нет. Раздобыть запчасти можно на Молодежной. Там стоит на приколе отлетавший свое Ил, кое-что придется содрать с него. Но как все это доставить к нам? И дело не только в значительном расстоянии, более трех тысяч километров, разделяющем наши станции. На Молодежной сейчас нет авиации. Самолеты, способные выполнить эту задачу, находятся в Мирном, то есть еще на две тысячи километров дальше от нас. Но и это не главное. Главное, что авиация Мирного занята снабжением внутриконтинентальной станции Восток. Пока эта работа не завершится, вряд ли можно рассчитывать на самолет оттуда.

Правда, на Дружной есть еще один Ил-14, который скоро будет готов к полетам, но он оборудован специально под аэрофотосъемку. Отвлечь его от этой задачи и направить за запчастями — поставить под угрозу картографические работы. Кто может гарантировать, что рейс пройдет быстро и удачно? На южнополярном континенте погода изменчива, почти каждый дальний полет — уравнение со многими неизвестными.

Есть и иные трудности. В Антарктиде теперь ведут работы несколько крупных авторитетных ведомств: за снабжение станции Восток отвечает одно, географические исследования курирует другое, картографирование проводит третье. У каждого ведомства свое плановое задание, своя смета, каждое печется об успехе своих работ. Можно понять их руководителей. Порой и хотелось бы рискнуть, помочь незадачливому товарищу, а если из-за этого свои работы сорвешь?

В общем, ясно, что пока запчасти придут на Дружную, многие начальники, и не только у нас в Антарктиде, немало переломают копий. Но главное все же, что Аркадий Колб взялся восстановить машину. Не было бы этого решения — и копыа ломать было бы не из-за чего.

Станционные будни

Пока вопрос о восстановлении самолета рассматривается в высших сферах, разгрузочные работы завершаются. «Пенжина» первая покинула Дружную и взяла курс на остров Кергелен. «Капитан Готский» тоже торопится нас оставить. Северный ветер нагнал к берегу льды, приборьерная полынья сузилась. Возникла опасность быть затертым во льдах. Звучит прощальный гудок. От нас с берега взывают ракеты. И скоро силуэт дизель-электрохода, сделавшись до смешного маленьким, игрушечным, теряется среди льдов и айсбергов на горизонте.

С разгрузкой покончено, но теперь перед нами новая задача — подготовиться к полевым работам в горах, да и на самой станции дел хватает. Всеми хозяйственными работами на Дружной ведает комендант базы Анатолий Банщиков. Внешне он совсем непохож на хозяйственного работника. Хозяйственников мы привыкли видеть чаще всего в годах, солидными, с богатым трудовым опытом, нередко из отставных военных. Анатолий же молод, и его никак нельзя назвать солидным. Худощавый симпатичный блондин с таким располагающим застенчивым нахальством во взоре. В клубе на танцах парню с его внешностью прохода бы не было. Но на Дружной нет девушек, и вся энергия уходит в работу. Тут-то и раскрылись в полной мере организаторские способности Анатолия как коменданта антарктической базы.

С утра Банщиков распределяет наряды: кому дежурить на кухне в помощь повару, кому работать по благоустройству поселка, кто идет на дизельную, кто на склад продуктов и вещевого довольствия, а тут еще туалет нуждается в реконструкции — на базе проблем много. Комендант всем нужен, комендант нарасхват. Каждый со своими бедами идет к Анатолию: за сапогами, за ватником, за спальным мешком. Да мало ли что понадобится, о чем раньше не подумал, дома забыл, и вот теперь перед отлетом в горы спохватился. В полярной экспедиции мелочей нет.

И Анатолий безотказно помогает. Придешь к нему на склад с очередной просьбой. Посмотрит он на тебя своими покрасневшими от недосыпания глазами. И не разводя лишней бюрократии полезет в нужный мешок, выдаст штормовку, меховые носки, а если еще скажешь ему, что вечером собираешься в баню, то получишь и банку с импортным пивом.

Начальник нашего отряда, так тот ужасно любит хаживать к коменданту, все уговаривает его перейти в наш домик на постоянное местожительство. Говорят, и сам начальник базы предлагал Анатолию поселиться у него. Но комендант держит нейтралитет, предпочитает жить в одиночестве на складе, среди всевозможных коробок, ящиков, тюков и баулов.

Ежедневно из каждого отряда выделяется по человеку в «комендантский взвод». Приходит и мой черед. Комендант определяет двух геофизиков и меня в наряд на дизель-электростанцию (ДЭС). Там сейчас идет установка двух новых дизелей, и для них нужно выстроить помещение. На ДЭС хозяйничает наш главный механик Петр Федорович Большаков. Он немногословен. Показывает, где брать доски, где лежат гвозди, молоток и топоры. У него по горло дел — дизельная должна работать бесперебойно.

Остов нового помещения — вертикальные брусья и помост, на котором установлены агрегаты, — уже сооружен. Остается обшить стены и потолок досками, и укрытие от ветра и снега готово, можно будет запускать новые дизели. Мощности старых не хватает. Основную энергию поглощает радиопередатчик, и на камбузе простаивают электропечь и гигантская электросковорода.

Дома не часто приходится заниматься плотницким делом. Теперь не ударить бы лицом в грязь. Под присмотром Петра Федоровича работать приятно. Он не понукает, порой помогает ненавязчивым советом, а сам копается со своими дизелями. Петр Федорович уже не в первый раз в Антарктиде. Механик знающий, трудолюбивый. А по характеру человек мягкий, деликатный. Только вот взгляд у него какой-то тихий, печальный, даже когда он, улыбаясь, одобряет проделанную нами работу.

Закончив с ДЭС, переходим на крышу кают-компания. Настилаем рубероид, приколачиваем его досками. Теперь после снегопада в

щели не будет собираться вода, капать на обеденные столы, в столовой станет посуше.

После обеда весь наш отряд занимается сборами в полевой горный лагерь. У коменданта нужно получить палатки, собрать их, проверить. Если сейчас что-либо не учтешь, проглядишь, в горах спохватишься — локти кусать будешь. А хозяйство мы берем с собой большое: газовые плиты с баллонами, печи жидкого топлива, раскладушки, спальные мешки, геологическое снаряжение и продукты на два месяца.

Мясные припасы хранятся в специальном холодном складе. Его еще прошлая экспедиция организовала. И разумно поступила. Хотя Антарктида — ледяной континент, летом здесь продукты попортить — большого ума не надо. Под палящим круглые сутки антарктическим солнцем брикеты с мороженым мясом, ящики с курами моментально оттаивают.

Вход в склад через люк. Внизу, под снегом, просторное помещение. По углам толстые бревна, стены обшиты досками, в крышке отверстие для вентиляции, потолок в гирляндах сверкающих снежных кристаллов. Не склад, а заглядение! На полу сложены припасы: упаковки с бифштексами, эскалопами, шницелями, филе трески, судака, зубатки; ящики с курами, брикеты сливочного масла, говяжьей туши, свиные окорока...

Из специальной кладовой, помещающейся под боком у коменданта, получаем немного шампанского на Новый год, а наш начальник раздобыл еще и ящик с пивом.

Все продукты укладываем на брезент около домиков. Предстоит еще поделить их строго на две части по числу лагерей, дополнить крупы, муку, подсолнечное масло, перец, лавровый лист, мыло, соль, спички. Это еще не все, нужно взять на складе сахар, варенье, картошку, репчатый лук; из консервов — сардины, шпроты, сайру. Прошел слух — на Новый год полагается селедка и немного красной рыбы. Не забыть самое главное — хлеб! Без хлеба, как известно, русский человек жить не может. В прошлых экспедициях, знаю по своему опыту, приходилось заскорузлые, мерзлые, буханки распиливать пилой-ножовкой, а куски потом размачивать. Теперь же эта проблема решена. Буханки ржаного хлеба, предназначенные специально для нас, подготовлены в Ленинграде. Обли-

ты спиртом, упакованы в целлофан и заморожены. Раскроешь такую упаковку — хлеб мягкий, влажный и к тому же спиртиком попахивает. Есть — одно удовольствие!

Вечером осваиваем снегоходы. Два новеньких «Бурана» — двухместные открытые машины, похожие на мотоциклы, только на гусеничном ходу, будут помогать нам в маршрутах. Это тоже новшество. В прошлых экспедициях в полевых геологических лагерях мы полагались только на собственные ноги. За «Бураном» удобно буксировать сани с образцами, а уцепившись за капроновый фал, сзади могут скользить два-три лыжника.

Сначала я самостоятельно отрабатываю вождение снегохода. Машина проста в управлении, хотя и требует некоторого навыка. Затем по указанию начальника пробуем коллективную буксировку. Я снова усаживаюсь в седло. Наш начальник, умиротворенный только что принятым пивом, и розовощекий, улыбающийся Ганс приготовились к буксировке. Завожу машину, вопросительно оборачиваюсь. Начальник радушно кивает. Нажимаю на газ, и снегоход, подпрыгнув, как норовистый конь, срывается с места. Мы выкатываемся на снежную целину на окраине станции. Здесь я прибавляю скорости. «Буран» лихо несется по застругам, словно по стиральной доске. Теперь я уже освоил машину и чувствую себя в седле, как лихой наездник. Слегка привстаю, словно в стремях, и еще сильнее жму газ. Сзади раздается истошный вопль. Оглядываюсь. Ганс, уцепившись в натянутый шнур, катится в одиночестве, начальник валется на снег. Делаю крутой вираж, возвращаюсь назад. Глушу мотор точно у ног начальника, жду, как он оценит мое мастерство. Но начальник молчит, снег забился ему за ворот, одна лыжа соскочила. Он сопит, отряхивается и... лишает меня водительских прав. Вот тебе и угодил начальству!

Оставив «Буран», иду к нашему доктору. Он хранитель станционной печати. У меня кипа конвертов, многие просили погасить марки на Дружной. Над докторским домом белый флажок с красным крестом. Вокруг намело большие сугробы. Чтобы войти, надо нырнуть на несколько метров вниз по крутым обледенелым ступеням. Счастье твое, если не сломаешь ногу. По профессии наш врач — хирург. Травматология, судя по ступеням, ведущим в жилище, его тайная страсть! В прихожей в углу с немлым укором смотрят на те-

бя самые разнообразные костыли. Вез их человек бог знает откуда, из-за морей и океанов, и вот все простаивает без дела. Даже совместно становится за себя: спускался по лестнице, хоть бы ногу подвернул! Прихожая заполнена летчиками. После несчастного случая с самолетом они зачастили к врачу. И сам начальник авиаотряда серьезно недомогает. Что поделаешь — нервы...

Простемпелевав конверты, направляюсь в «незабудку». В «незабудке» уже находится начальник базы. Как-то само собой нас потянуло на воспоминания, тем более что есть о чем вспомнить. В одной из прошлых экспедиций работали вместе. Однажды при организации базы на леднике Эймери в творческом содружестве конструировали... общественный туалет. Человека, далекого от полярных будней, возможно, шокирует такая подробность. Но каждый, кто хоть раз был в полярной экспедиции, отнесется к ней без предубеждения и с должным вниманием, ибо этот объект жизненно важен на полярной базе. Так вот, туалет тогда получился у нас необычный, экзотический. Под него мы приспособили грот в ледниковой трещине. И, учитывая голубизну стен, назвали «незабудкой». С тех пор на полевых базах привилось это название, стало именем нарицательным. «Незабудка» Дружной, в этом мы сходимся во мнении с начальником, возможно, более удобна и безопасна, но... построена без фантазии.

Много воды утекло с того времени, когда мы работали на леднике Эймери. Товарищ мой посolidнел, да и груз ответственности, видно, тяжело лег на плечи. Редко увидишь улыбку на его лице. Начальником базы он назначен впервые, старается не уронить авторитет. Разговаривает чаще всего официально, холодно. Разве, что в «незабудке» оттаял, да и то не надолго. Вечно теперь он озабочен, недоволен. Только успеет распечь одного за промах, как нужно уже выговаривать другому. И это он делает не спеша, основательно. Но я еще ни разу не слышал, чтобы он кого-нибудь похвалил.

Особенно заботит его руководитель нашего отряда. «Нехороший он у вас мальчик!» — безоговорочно заключает начальник базы, перечислив ряд его недостатков. «Нехороший мальчик» — любимое выражение начальника базы, означающее крайнее неодобрение. Более крепких слов он не употребляет,

Я понимаю, что многое, сказанное в адрес моего непосредственного шефа, справедливо. Только лучше бы высказать подобные замечания тому с глазу на глаз, а то уже и так вся база знает, что наш руководитель на плохом счету у начальника базы, и некоторые геологи этим пользуются.

Но, возможно, мои суждения поверхностны, и я ошибаюсь. Оба начальника давние знакомые, работают вместе в одном институте. У них старые счеты. Ругаются, ругаются, а, в общем-то, ладят, берегут честь мундира. Я же представитель другого ведомства, да к тому же еще и журналист. Моя книга об Антарктиде «Земля Королевы Мод», где главными героями были геологи, задела кое-кого из них.

Может быть, именно поэтому начальник базы держится теперь по отношению ко мне настороженно, каждую мою радиограмму в газету читает недоверчиво, словно ожидает какой-то подвох? А может, какая другая причина в том, что не сложились наши отношения? А что если она кроется в моих личных недостатках? Известно, в чужом глазу соринку заметишь, в своем не видишь и бревна! Есть о чем поразмышлять на досуге. В Антарктиде вообще гораздо чаще, чем дома, думается «о времени и о себе» и порой многое переосмысливается.

...И праздники

Заканчиваются приготовления к вылету в горы. Но вечер 24 декабря мы освобождаем от работы. Наши зарубежные коллеги Ганс и Эдвард приглашают нас на рождество!

Отец Ганса по профессии плотник. Многие приемы плотницкого мастерства освоил сын. Из фанеры выпилил аккуратную елочку, позеленил ее фломастером, украсил звездочками из серебряной и золотой конфетной бумаги. Рядом подвесил на нитках три апельсина, красный пластмассовый свисточек, гирлянду сушеных яблок. Под елкой укрепил свечи. Получилось очень нарядно.

Повар подготовил по такому случаю две отлично подрумяненные, нафаршированные рисом курицы. Рождественский стол получился на славу! Наш начальник немало этому способствовал. А ему в этой части нет равных. И напитками стол не обделен. Знающие

толк в таком деле геологи довольны. Даже самый экспансивный из них палеонтолог Игорь улыбается.

— Маловато, Ганс, — кивает он на бутылки, — но ничего, сойдет!

— Рождество — семейный праздник, — смущается Ганс. — На Рождество немного пьют. Больше на Новый год.

Начальник зачитывает поздравительные открытки нашим иностранным друзьям. Мы постарались написать их как можно теплее, не забыв о женах и детях.

Ганс и Эдвард сидят серьезные, растроганные. Им далеко не просто в экспедиции. Если нам порой взгрустнется, затоскуешь по дому, то среди своих как-то легче переносишь разлуку. Они же не только в Антарктиде, но еще и на иностранной станции. Конечно, мы стараемся быть гостеприимными, но тем не менее... Недаром говорится: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Ганс включает свой портативный магнитофон. Звучит торжественный колокольный перезвон, потом песенка о зеленой елочке в исполнении жены и двух детей Ганса. И, наверное, каждый из нас вспомнил в этот момент своих родных и близких.

Рождественский вечер удался. Он получился, как и хотел Ганс, светлым семейным праздником.

Канун Нового года

Начальник авиаотряда выздоровел. Правда, вид у него бледный, осунувшийся, под глазами мешки. Сегодня на диспетчерской он доложил, что наш второй Ил-14, предназначенный для аэрофотосъемки, готов к полетам. Кажется, все на этот раз продуманно, взлетная полоса укатана — осечки не должно быть.

Как только начнется аэрофотосъемка, добрая половина базы будет втянута в работу. В разных концах района начнут действовать выносные радиодальномерные станции. Они обеспечат привязку снимков на местности. На самой базе уже развернута фотолаборатория, где будут проявляться, а затем печататься отснятые пленки. В общем, дел будет по горло, лишь бы погода не подвела — она для аэрофотосъемки должна быть идеальной.

У ответственного за картографические работы Александра Ка-

рандина сейчас горячее время. Вся авиация работает на него. То и дело уходят с базы вертолеты, груженные оборудованием выносных радиодальномерных станций. С черной окладистой бородой и живыми карими глазами Карандин смахивает на сметливого мужичка, которому палец в рот не клади. Он отлично дирижирует событиями, успевая при этом и сам облетать все точки, где расставлены его люди. Располагает он к себе какой-то особенной приветливой сдержанностью. Редко когда взорвется, накричит. Зато потом долго переживает, старается загладить грубость.

И наш геологический отряд готов к вылету в горы. Всем уже не терпится приступить к маршрутам. Особенно Гансу: почти две недели в Антарктиде, а еще антарктической земли не нюхал, образца горной породы в руках не держал, все снег да лед. Вслед за картографами и геологами, глядишь, и геофизики развернутся. Летчики уверены: инженер Колб сдержит свое слово. А переговоры о доставке запасных частей из Молодежной близки к завершению.

Слов нет, трудное было начало. В пору было приуныть, растеряться. Но сейчас дело налаживается. Появилась уверенность — все работы будут выполнены. К Новому году намечено приурочить официальное открытие базы, торжественно поднять флаг. Но мы к тому времени уже должны улететь в горы.

Пока же я снова попадаю в «комендантский взвод». На этот раз задание особое: установить мачты для флагов. Кроме флага СССР, на станции будут подняты флаги ГДР и США. И еще нужно предусмотреть свободные флагштоки на случай визитов иностранных ученых. Поблизости от нас находятся базы англичан и аргентинцев, а в море Уэдделла сейчас ведет исследования норвежская океанологическая экспедиция. Антарктические станции открыты для всех, и тут свято соблюдаются законы гостеприимства. Советские станции в этом отношении пользуются у иностранных полярников особой популярностью.

Устанавливаем флагштоки втроем. Я помогаю двум взрывникам. Это опытные полярники, мастера на все руки. С одним из них — Виктором Лебедевым, я уже не в первый раз в Антарктиде. Виктор меньше меня ростом, но гораздо полней; животик у него выкатился вперед, как только брюки удерживаются... Это, однако, не мешает ему оставаться подвижным, легким на подъем. В прошлом он вы-

полнял работу радиста, теперь переквалифицировался в специалиста-взрывника — для геофизических исследований нередко приходится применять взрывчатку. Кстати, именно с помощью взрывов сейсмологи определили толщину нашего ледника — 400 метров. Да и не только для науки может пригодиться в Антарктиде взрывчатка. Зажало во льдах корпус судна — взрывник поможет освободить его. Даже для того, чтобы порожнюю бочку приспособить под урну, обращаются к взрывнику. Он опускает в бочку через отверстие для пробки небольшой заряд. Бах! Дно бочки вышибается — тара для мусора готова.

После обеда — редкий случай — выдается свободное время, и все в нашем домике, кроме Эдварда, устраиваются на отдых. Эд сегодня дежурит на кухне. Сам пошел, добровольцем.

Первым на нарах зачмокал во сне, как младенец, Ганс. Начальник плотно прикрыл дверь, запустил печь на полную мощность и прилег с книгой в руках. Он обожает тепло. Конструкторы ПДКО недаром вдвоем думали, постарались на совесть: соорудили дом крепким, непродуваемым, вот только вентиляции не предусмотрели. Хоть бы какое отверстие в крыше сделали! Стоит закрыть дверь, в домике становится невмоготу. Внизу еще ничего, а под потолком, где спим мы с Гансом, духота. По ночам нам снятся кошмары. Просыпаешься с тяжелой головой, весь в поту. Мирные переговоры с начальником о том, чтобы на ночь выключать печь, окончились безрезультатно. Я пытаюсь вести борьбу за свежий воздух партизанскими методами. Как бы невзначай оставляю дверь приоткрытой или незаметно убавлю отопление. Ганс — мой союзник и идейный вдохновитель. Эдвард держит нейтралитет. Он спит внизу, да к тому же, кажется, вовсе не чувствителен ни к жаре, ни к холоду. Свое отношение к беспокоящей нас проблеме выразил предельно ясно и лаконично: «А мне до лампочки!» Этим шедевром лингвистики он обогатился еще в свою первую зимовку у нас на Молодежной.

Бороться с нашим начальником, однако, далеко не просто. Он бдительно следит за нашими действиями. Только когда он засыпает, нам предоставляется некоторая свобода. Вот и сейчас я не ложусь, делаю вид, что пишу дневник, выжидаю, когда начальник задремлет, чтобы выключить проклятую печь.

К вечеру благополучно взлетает Ил-14. Делает круг над базой. Все выскочили из домиков посмотреть на первый взлет. Аэрофото-съемщики торжествуют: завтра можно приступать к работе! За ужином вижу преобразившегося командира авиаотряда. Лицо его, казалось, помолодело.

На Дружной уже ведутся приготовления к праздничному вечеру и, глядя на них, невольно заколеблешься: а что если задержаться, отпраздновать Новый год на базе? Ведь организация лагеря в горах потребует стольких хлопот! Загружать, разгружать самолеты, перетаскивать грузы, ставить палатки. Тут уж не до застолья. Но все понимают: нельзя терять времени. Антарктическое лето коротко. Каждый погожий день на вес золота. Будет завтра погода — значит, судьба встречать Новый год в горах!

Из домика, где разместилась рация, доносится попискивание морзянки. Там сейчас горячее время: идет поток новогодних поздравительных радиogramм. Радисты едва справляются. Каждый из нас ждет вестей с Родины. Нет для полярника лучшего подарка, чем добрые вести из дома!

А погода пошла на улучшение. Тяжелая низкая облачность отступает. Небо посветлело. Легкие перистые облака сияют высоко в небе. Преобразилась Дружная. Сейчас, перед скорым расставанием словно видишь ее другими глазами. Так стремились в горы, а теперь вроде бы жаль расставаться. Обжили поселок. Все здесь стало свое, родное. Привычно тарыхтит движок электростанции; судя по дымку из трубы над крайним домом, летчики раскопегарили баню. Сегодня вечером в честь удачного взлета она отдана им на откуп. Перед Новым годом очень здорово помыться! Хорошо сейчас на Дружной, уютно!

Вон Витя Лебедев вышел с камбуза. Остановился у крыльца, довольно поглядывает на небо. Ему в горы не лететь, он нужен на базе.

— Слышь, Володь, — обращается он ко мне. — Тебе на рации лежит телеграмма.

— Да ну?! — подсакиваю я. — Вот обрадовал, давно жду вестей из дома.

Бегу на рацию. Перед домом радистов приступочка, порожек из пустого ящика, чтобы удобнее было входить. С разбега всакиваю

на него. Ох!.. Перед глазами все летит кувырком, и я лежу, уткнувшись носом в снег. Ящик под ногой опрокинулся, я рухнул, как подкошенный, острый угол с железякой угодил мне прямо поддых. Охаю, не могу подняться.

— Что же ты так? Нельзя так! Сильно зашибся? — причитает надо мной Лебедев.

Кряхтя, поднимаюсь. Корю себя: «А еще бывалый полярник. Забыл жизненно важное правило: в экспедиции нельзя суетиться!»

Вхожу к радистам. Радиограмма оказывается не из дома. Первый помощник капитана «Пенжины» сообщает, что, по заверению губернатора острова Кергелен, там благополучно проживает стадо северных оленей в 150 голов. Это ответ на запрос любознательного профессора Андреева из Якутска. Вот тебе и новогодняя телеграмма!

Иду в свой домик. Там обстановка не изменилась. Начальник, запустив печь на полную мощность, лежит на постели в одной майке, наслаждается.

— Завтра с утра летим в горы, — предупреждает он меня, — не засиживайся, надо хорошо выспаться.

Рядом Эдвард, только вернувшийся с дежурства на кухне, как ни в чем не бывало читает «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, совершенствуется в великом и могучем русском языке.

Наверху Ганс, сбросив с себя не только одеяло, но и простыню, не подает никаких признаков жизни. «Надо спасти товарища, пока не поздно, — решаю я. — Только как? В открытую к печке не подступиться».

— В умывальнике кончилась вода, — как бы между прочим сообщаю я пребывающему в неге начальнику.

Точно по расчету следует немедленное распоряжение: «Натопить снега!»

Это мне только и надо. Наполняю из ближайшего сугроба большой бак доверху, ставлю его на печь. Днище бака широкое, оно скрывает регулятор подачи топлива в горелку. Само собой, прежде чем поставить бак, я незаметно отключил печь. Начальника разморило в тепле, он потерял бдительность.

Довольный удачно завершенной операцией, я лезу к себе наверх. «Печь остывает постепенно, начальник успеет захрапеть, ниче-

го не заметив. А проснется — не сразу сообразит, что к чему. Да и разжигать печь — долгое занятие». — С такими утешительными мыслями я погружаюсь в небытие.

Но, увы, и во сне я не нахожу покоя. Вижу, в окошко нашего домика, как на площадку перед кают-компанией выезжает верхом на «Буране» наш начальник. Но в каком виде! В рыцарских доспехах, весь в броне с головы до пят. Я узнаю его только потому, что в одной руке он держит бутылку немецкого пива из запасов Ганса, а в другой — геологический молоток.

Навстречу ему тоже на «Буране» — начальник базы. В белой рубахе, с букетиком незабудок в петлице. Он безоружен. Лишь капроновое лассо с петлей-удавкой на конце болтается в его руке. Раскланявшись перед собравшимися, начальник базы делает несколько пробных бросков — ловко набрасывает петлю на стоящие недалеко бочки. При этом он что-то шепчет. По движению его губ я улавливаю: «Вот тебе, нехороший мальчик!»

Вокруг столпилось много полярников. Впереди всех и точно посередине между двумя начальниками комендант. Он держит в руках стартовый флажок.

Недалеке от коменданта доктор радостно потирает руки. Рядом с ним связка его любимых костылей.

Я не выдерживаю, выскакиваю из дома, бегу к собравшимся, хочу остановить побоище.

Но тут меня окликает Витя-взрывник. Он стоит сытый, довольный, придерживает рукой сползающие брюки.

— Слышь, Володь, — говорит он, — тебе на радице телеграмма. Оленей с Кергелена решили к нам на Дружную перевозить. По просьбе профессора Андреева.

— Так они же погибли! Что они тут есть будут? — удрученно кричу я и... просыпаюсь.

Хватаю ртом воздух. Духота неимоверная. Голова раскаливается. Свешиваюсь вниз. Бак стоит на полу, печь жарит на полную мощность. Приходится признать, что на данном этапе мы с Гансом потерпели поражение.

В дверь стучат, потом заглядывает штурман АН-2.

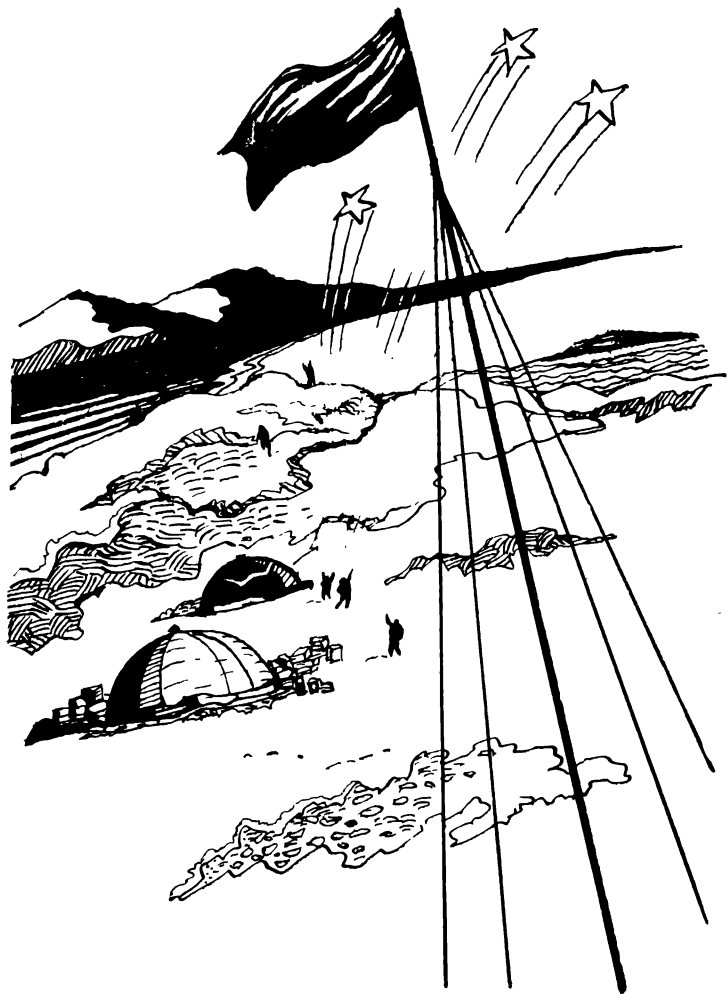
— Эй, геологи, — окликает он. — Кончай ночевать, грузиться пора, через час летим в горы.

...Домики нашей базы сверху, как спичечные коробки. Вот наш дом (теперь там пусто), вот рация, кают-компания, баня, дом начальника базы (конечно, он стоит на пороге, смотрит, как мы улетаем), комендантский склад, новое помещение электростанции (у дизелей там сейчас дежурит безотказный Петр Федорович), Ил со смятым носом. Дальше сгрудились темные бочки, точь-в-точь колония пингинов. И рядом стынет море — серое, неуютное. Самолет делает крутой вираж и ложится на курс.

До свиданья, Дружная! Всего две недели прошло с момента нашей высадки на твой ледяной берег. А сколько всяких событий, важных и второстепенных, серьезных и забавных, грустных и радостных они вместили. У всех наших сейчас отличное настроение. Еще бы, организационный период позади — мы приступаем к полевым исследованиям!

Под крылом проплывает великая, загадочная белая пустыня. Самолет идет на юг с крейсерской скоростью. Летчики торопятся. Пока держится погода, нужно выполнить максимум рейсов, полностью обеспечить горные лагеря. В Антарктиде ничего нельзя откладывать на завтра. Да к тому же завтра будет не до того.

Завтра — канун Нового года!

...Меня разбудила тишина.
Карстен Борхгревинк

ГЛАВА 3. В ГОРНОМ ОАЗИСЕ

Еще одно новоселье

От базы Дружной до гор Шеклтона около 300 километров: на «аннушке» меньше двух часов лета. На поверхность шельфового ледника, проплывающую под крылом, идеальную без помарок белоснежную скатерть, набегают трещины. Их темные, отливающие бездонной синевой линии образуют сложные геометрические фигуры и кажутся вычерченными на ватмане. Трещины все расширяются. Сверху это выглядит безобидно. Но вот в леднике, как равные раны, начинают зиять гигантские провалы, на дне которых кое-где проступает вода. Это разломы Гранд-Касм, простирающиеся на десятки километров. Чем вызвано их образование — пока неизвестно. Возможно, плавучий ледник натолкнулся здесь на подводное препятствие? Работы наших геофизиков должны прояснить многое, о чем сейчас приходится только гадать.

Остается только радоваться, что в горы Шеклтона нас доставят по воздуху. Наземное путешествие отняло бы куда больше сил и времени и было бы неизмеримо опаснее. Шельфовые ледники полны коварных ловушек, ведь многие трещины прикрыты снежными мостами и практически неразличимы с поверхности. Падение же в ледяные пропасти редко заканчивается благополучно.

«Трое английских ученых — физик Д. Бейли, 24 лет, топограф Д. Уайлд, 24 лет, врач Д. Уилсон, 29 лет, погибли, провалившись вместе с трактором в трещину в 250 милях от английской станции

Халли-Бей. Печальную весть принес Д. Росс, один из членов этой группы, который остался жив и через несколько дней после катастрофы добрался на собаках до ближайшей полевой станции». Это сообщение газеты «Таймс» от 21 октября 1965 г. Станция Халли-Бей находится по соседству с Дружной.

Несколькими годами ранее во время Международного геофизического года английская экспедиция осуществила трансантарктический переход от берегов моря Уэдделла через Южный полюс к морю Росса. Львиную долю времени англичане затратили на пересечение именно этой части шельфового ледника.

Все в самолете напряженно вглядываются в белую пустыню, сурово экзаменовавшую наших зарубежных коллег. Ледяная поверхность вновь успокоилась, на ней все меньше приметных ориентиров. Разломы Гранд-Касм остались позади, трещин поубавилось. Только оттенки снежной поверхности, смена блестящих серебряных тонов серыми, говорят о легких перегибах ледяного рельефа, а узкие, бегущие параллельно друг другу светлые полосы с размытыми, словно отороченными пушистой бахромой контурами, указывают: внизу дует поземка.

Слева по курсу показались полосчатые уступы гор Терон, впереди же, прямо на юге, там где равнина шельфового ледника начинала постепенно повышаться, вставали из-за горизонта горы Шеклтона. Эта довольно компактная группа горных массивов, вытянутая неширокой полосой почти на 200 километров, лежала, словно в тисках, между двумя мощными потоками материкового льда — ледниками Слессора и Рековери. Пространства этих гигантских ледников, столь четко обозначенных на карте, не удавалось охватить взглядом, внимание фокусировалось на темных горных массивах, до которых было уже рукой подать.

Летчики держали курс на северо-западный край хребта Шеклтона, к горе Провендер, где намечено создать наш полевой геологический лагерь. Самолет стал заходить на посадку. Перед глазами совсем близко пронеслись, будто опрокидываясь на нас, рыжеватые скалы, край ледника с приметным темным пятном, море каменных обломков у подножия. Но вот пилот выровнял машину, и через несколько секунд мы заскользили по снежнику, вытянутому вдоль пологого склона, сплошь заваленного валунами.

После Дружной, после надоевшего однообразия плоской снежной равнины горы производят прямо-таки ошеломляющее впечатление. К тому же не в пример нашей береговой базе, где небо почти постоянно затянуто облаками (так было и два с половиной часа назад во время вылета), здесь все сверкает под солнцем. Валюны, к которым подрулила «аннушка», зримо излучают тепло. Воздух над ними колеблется, словно это не обыкновенные камни, а раскаленные уголья. Ледники, горы видятся настолько ясно, что действительные расстояния скрадываются. Вон красавец-массив через долину ледника Блейклок. По карте до него добрых полтора десятка километров, а кажется совсем близко — полчаса хода пешком. Но сейчас не время любоваться красотами.

Летчики улетают, им предстоит сегодня не один рейс, а мы начинаем с главного — сооружения своего жилища. Процедура сборки небольших, похожих на юрты каркасных палаток, отработана. Каждый, кто участвовал в геологических работах в полярных районах, выполнял ее многократно. Но самая первая палатка обычно и самая сложная. К тому же палатки старые, дюралевые дуги помяты, приходится попотеть, прежде чем соберешь каркас. Капроновым фалом укрепляем дополнительно дуги, стягивая их между собой. Ведь случалось, даже такие прочные, обтекаемые конструкции не выдерживали напора антарктических ветров. Правда, в возможность этого сейчас трудно поверить. Стоит абсолютный штиль, припекает солнце. Температура всего минус 4°.

Работаем все споро, в охотку. Да и разве можно иначе — ведь строим себе дом. В полночь две черные палатки, одна из них совсем небольшая, уютно стояли среди камней. Можно было перевести дух. В помещение внесли все, что боится мороза: картошку, репчатый лук, немного апельсинов и бутылку шампанского. Ее приберегли специально на Новый год, до которого считанные часы, ведь сегодня уже 31 декабря.

Горят газовые горелки. Расставлены раскладушки, на них брошены спальные мешки. На плите в большой палатке пофыркивает чайник, вкусно, по-домашнему, пахнет крепкой заваркой.

Дима, наш радист, занялся рацией. Геофизик Виктор сооружает мачту для метеонаблюдений. Геологи Володя и Игорь сортируют продукты, часть из них надо поместить в снег. Наш американский

коллега Эдвард раскладывает по углам палатки свои многочисленные баулы, судя по всему подготавливает все для выхода в первый маршрут. Я укрепляю на доске у входа рукомойник, точь-в-точь такой же, каким обыкновенно пользуются на дачах.

Можно поздравить друг друга с новосельем.

Новогодняя ночь

Новогодняя ночь в Антарктиде — понятие условное. Стоит середина полярного лета, солнце круглые сутки не заходит за горизонт. Но хотя вся обстановка в горном лагере отлична от той, что окружает дома, тем не менее и здесь под Новый год захватило нас радостное и немного тревожное волнение, предпраздничные хлопоты и суета.

С утра мы наводим порядок в лагере. Собираем в кучу мусор, сжигаем его. Подвозим поближе к палаткам запасные баллоны с газом. От места разгрузки самолета это несколько сотен метров. Проверяем снегоход «Буран» — наше единственное транспортное средство, не считая небольших саночек и собственных ног.

Погода продолжает оставаться прекрасной, хотя нити перистых облаков, загнутых коготками, говорят о ее возможном ухудшении. Но нас непогода, скорей всего, минует. Основные пути циклонов проходят севернее, над шельфовым ледником. Мы же забрались на склон материкового ледникового покрова Антарктиды, хотя и не слишком высоко, всего метров на 500, но зато далеко к югу. Если широта внутриконтинентальной станции Восток, полюса холода планеты, $78^{\circ}28'$ ю. ш., то наш лагерь расположен почти на два градуса южнее: $80^{\circ}25'$ ю. ш. В таких высоких широтах мне еще бывать не приходилось.

И вот все основные дела сделаны. Ящики с мясом, мороженой птицей и рыбой аккуратно уложены в снежную яму. Подготовлен праздничный ужин. На двух сдвинутых раскладных столах расставлены банки с консервами, фрукты, напитки. В духовке тушится жаркое, на газовой плите поджаривается картошка. Все рассаживаются на вычурных геологических ящиках вокруг стола.

Дверной полог палатки приподнят — оттуда вливается яркий

свет. Виден участок ледника Блейклок и утопающий в снегах массив горы Ло. Лед сверкает в лучах солнца. И когда на время разговор случайно прерывается, все невольно оборачиваются к двери и заворуженно смотрят туда. Кажется, вот-вот раздадутся шаги, и кто-то непременно появится на пороге. Но вокруг ни звука — немая, мертвая тишина.

Минутная пауза вновь прерывается веселыми возгласами. Геолог Игорь, сделав страшное лицо, вдруг запекает арию Кончака. Игорь, несомненно, самый импульсивный, подвижный из нас. Небольшого роста, но, что называется, крепко сколоченный, с крупной курчавой головой, он похож на фавна. В нем заключена прямо-таки дьявольская энергия. Распираемый ею, он не может и минуты усидеть на месте. Ему нужно обязательно по любому поводу высказаться, что он и делает с необыкновенным жаром. Но иногда, очевидно, от избытка чувств, он начинает петь.

Рядом с Игорем долговязый Эдвард. Даже когда сидит, голова его где-то вверху над нами. К тому же на макушке у Эда торчит зеленая вязаная шапочка, с которой он никогда не расстается. Шапочка лишь отчасти прикрывает густые пряди блестящих черных волос. На лице Эда раз и навсегда застывшее благожелательно-флегматичное выражение. И слова произносит он монотонно, не говорит, а цедит их с одной и той же интонацией:

— Можно, я налью шампанского? Мне нравится ваше шампанское.

— О чем разговор, Эд. Делай то, что тебе нравится. У нас тут без церемоний, — кивает ему сидящий напротив геолог Володя.

— Без церемоний? — повторяет Эдвард и лезет в карман за записной книжкой, куда заносит новые для себя русские выражения.

— Ну да, это значит пей на здоровье. Тем более что шампанское — не наша стихия.

Геолог Володя — круглолицый, широкоскулый. Свисающие кончики усов и длинные волосы делают его похожим на одного из солистов ансамбля «Песняры». Володя начальник нашего лагеря. Он совсем еще молодой геолог, но этот «недостаток» старается компенсировать нарочитой суровостью, категоричностью суждений. Порой он бывает заносчив, грубоват. Но эти качества неожиданно со-

чают у него с детской непосредственностью и чувствительностью. Бремя власти, легшее на его плечи, он несет, надо отдать ему должное, достойно. Во всяком случае власть не портит его, что, как известно, нередко случается с молодыми руководителями.

Рядом с Володей сидит геофизик Виктор. Ежечасно он должен снимать отсчеты атмосферного давления с двух барометров, лежащих у него под раскладушкой, а через каждые три часа брать показания с психрометра, прибора для определения температуры и влажности воздуха, который подвешен на самодельную мачту за палатками. Ему же надлежит определять скорость ветра. Все эти данные понадобятся геофизикам для того, чтобы корректировать свои наблюдения в других точках.

Виктор хмур, выглядит недовольным, или, может быть, такой вид придают ему очки и нечесанные волосы. В отличие от красноречивого геолога Игоря он немногословен. Сейчас Виктор сидит как на иголках, часто поглядывает на часы, боится пропустить срок отчета. Из-за этого он единственный не выпался как следует перед Новым годом. К тому же почти через каждые пять минут экспансивный Игорь кричит ему на ухо, что скоро надо брать отчет. Делает это он, очевидно, исключительно из желания помочь товарищу, но лицо его, как обычно в таких случаях, принимает свирепое выражение.

Виктор честно пытается делать все вовремя. Опрометью бросается к психрометру, висящему наподобие сиротливой сосульки на доске метрах в 50 от палатки, снимает отсчеты с двух сверхточных барометров — для этого нужно опуститься перед приборами на колени и смотреть в специальный глазок. Но, подгоняемый Игорем, он иной раз забывает записать результаты в журнал. Это его ужасно удручает, и сейчас он сидит потускневший, вздрагивая каждый раз, когда Игорь кричит ему, сверкая стальными зубами: «Иди брать отсчеты!»

Напротив меня, на другом торце стола, рядом с рацией, сидит наш радист Дима. Он самый старший среди нас. Щуплый, худощавый, он, возможно, благодаря этому выглядит довольно молодо. Дима ветеран всякого рода полевых работ. Экспедиции для него — привычное дело. Он легко ладит с ребятами. Да и свою работу на рации выполняет старательно. Есть в нем что-то крестьянское; хо-

зайтвенная сметка, расчетливость и некоторое лукавство. Он и родом из крестьян, с Тамбовщины. И хотя Дима не ходит в начальниках, авторитет его среди геологов высок и слово его для ребят немало значит.

Володя, Игорь, Виктор и Дима — все из одного ленинградского института. Коллектив уже сложившийся, спаянный. И поселились ребята все вчетвером в большой палатке, оставив нам с Эдом маленькую.

Для меня это шестая экспедиция в Антарктиду. Но во многом я ощущаю себя как новичок. Ведь, по сути, все начинается сызнова. Впервые я в горах Шеклтона. Из старых друзей в экспедиции никого не оказалось, а новые друзья, как известно, легко приобретаются только в молодости.

Вот такая разношерстная шестерка собралась в одной палатке в канун Нового года. А он уже на пороге. Игорь торопливо разлил по кружкам напитки. Дима следит за точным временем и наконец дает отмашку. Сомкнутые кружки глухо звякают.

Пошел 1977 год. С ним началась наша работа в горах Шеклтона на краю света, вдали от родного дома. Впрочем, так ли уж вдали? По себе знаю, чем больше расстояние, тем острее ощущаешь свою близость к Родине. И по взволнованным лицам товарищей вижу, что сейчас мысленно они тоже там, далеко-далеко, вместе со своими любимыми и близкими.

«Салют! — кричит Игорь. — Праздничный салют!» — Он достает ракетницы, и мы выскакиваем за ним из палатки.

Новогодняя ночь! Какое море солнца, света! Горы, ледники купаются в нем.

Зеленые, красные ракеты, шипя, взмывают вверх. Потом Игорь устанавливает на валун бутылку из-под шампанского и предлагает палить в нее. «Лучше бы, правда, в твой прибор, — говорит он Виктору, указывая на мачту с психрометром. — Все равно висит без дела. Ты же ровно в 12 должен был взять отсчет». Виктор охает и бежит за журналом.

Я захожу в свою палатку. Там в сумке пачка поздравительных радиogramм. Они пришли, когда мы еще были на Дружной. Вести из дома, от друзей. Я уже знаю тексты радиogramм почти наизусть. И все же вновь перечитать их сейчас просто необходимо.

Нет, как же все-таки далек от нас родной, привычный мир, наши Москва, Ленинград, Лос-Анджелес! И как мы, находясь в горах Шеклтона, близки к нему!

Первые маршруты

Хребет Шеклтона был открыт гораздо позже других крупных географических объектов Антарктического континента. Это объяснялось во многом его расположением в районе особенно труднодоступном, где долгое время вообще не было научных станций. Только в период Международного геофизического года в связи с запланированным англичанами трансантарктическим переходом началось изучение этого района. В 1955—1956 году англичане создали на краю шельфового ледника поблизости от теперешнего местоположения нашей Дружной опорную базу Шеклтон, а 20 января 1957 года во время рекогносцировочного полета на юг впервые увидели горы, которым было дано название «хребет Шеклтона».

Столь частое обращение к имени английского полярного исследователя в данном случае не было случайным. Эрнсту Шеклону, как уже говорилось, принадлежала идея трансантарктического перехода по данному маршруту. Кто знает, если бы судно Шеклтона «Эндьюранс» не было раздавлено льдами в море Уэдделла, возможно, этот исследователь добился бы успеха.

И вот спустя 40 с лишним лет англичане приступили к выполнению замысла своего соотечественника. Горы Шеклтона, лежавшие вблизи маршрута трансантарктического перехода, естественно, привлекли внимание исследователей. В октябре 1957 года в западной части гор, как раз там, где располагается и наш лагерь, в течение 10 дней работал английский геолог П. Стефенсен, а топографы К. Блейклок и Д. Страттон совершили двадцатидневный переход на собачьих упряжках вокруг ледяной возвышенности, названной в честь руководителя трансантарктической экспедиции Вивиана Фукса куполом Фукса. Так были получены первые сведения о новом горном районе.

В последующие 10 лет безмолвие гор Шеклтона вновь никем не нарушалось. Начиная с 1968 года здесь возобновили исследования английские геологи и топографы, базирующиеся на новой английской станции Халли-Бей, созданной в восточной части побережья

моря Уэдделла взамен оставленной базы Шеклтон. Англичане работали в горах в течение трех летних сезонов. Основным видом транспорта им служили собачьи упряжки и лишь изредка — трактора. В доставке полевых партий и снаряжения в горы англичанам оказывала помощь американская авиация. Американцами же было выполнено аэрофотографирование гор. Наземные наблюдения и аэрофотосъемка позволили составить первые географические карты, которые хотя и не отличались большой точностью, давали общие представления о рельефе и оледенении района.

Планы нашей экспедиции более обширные: создать точную картографическую основу и, опираясь на нее, построить ряд специальных карт. Наша группа участвует в составлении геологической и геоморфологической карт, на которых будут обобщены сведения о горных породах, формах рельефа и их происхождении. Важно не только разобраться в современной ситуации, но и представить историю развития природных процессов — основные этапы формирования рельефа гор и развития оледенения в прошлом. Без этого немислим географический прогноз.

Но для того чтобы проникнуть в тайны минувшего, нужно собрать большой фактический материал. Для географа и геолога это означает прежде всего маршрутные наблюдения, отбор образцов. Потом полевые сборы пополнятся изучением аэрофотоснимков, результатами лабораторного исследования проб, наконец, теоретическими обобщениями. Но прежде всего нужно самому пройти, увидеть, собрать, записать. Вот почему сразу после Нового года мы уходим в маршруты. В лагере остаются двое: радист Дима, он же наш главный хозяйственник и комендант, и геофизик Виктор, который ни на час не может отлучиться от своих приборов.

Геологи решили начать с южного, наиболее удаленного края горного массива. Они направляются в маршрут на снегоходе. Вместе с ними уходит и Эдвард. Володе и Игорю предстоит составлять геологическую карту района нашего лагеря. Эдварда интересуют специальные минералогические проблемы.

Я иду к северу. Еще с самолета, когда мы подлетали к горе Провендер, я заметил там на леднике у подножия горы темное пятно. Такие темные участки льда мне приходилось видеть прежде на Земле Королевы Мод. Они представляли собой подледные озе-

ра. Уникальный, распространенный лишь в Антарктиде тип водоемов, круглый год покрытых льдом. Подобные озера почти не изучены. И уже сам факт существования их в горах Шеклтона, которые на добрую тысячу километров ближе к полюсу, чем озера Земли Королевы Мод, был интересен.

Вскоре я был уже в нескольких километрах от лагеря. После малоподвижной жизни на Дружной (а этому предшествовало длительное плавание, где тоже все расстояния измерялись лишь размерами палубы) шагалось на удивление легко. Путь шел по склону, сплошь усыпанному обломками самых различных размеров, от крупных глыб величиной с нашу палатку до обыкновенных песчинок. Это был какой-то каменный хаос. Словно волны набежали на склоны горы Провендер, разбились у ее подножия и внезапно окаменели. Не было сомнения, что этот материал принесен сюда ледником, который в прошлом был еще более мощным и обширным, чем сейчас. Изредка я останавливался и рассматривал валуны. По их составу можно было судить о геологическом строении территорий, погребенных подо льдом.

Большая часть валунов — различные граниты и гнейсы — представляла собой обломки древнего кристаллического основания антарктической платформы. Но среди них попадались и более молодые породы — темные сланцы, на сколах которых иной раз можно было увидеть отпечатки створок мелких раковин — брахиопод. Эта древняя фауна — сущий клад для нашего Игоря, ведь палеонтология его страсть.

Однообразие каменной пустыни кое-где нарушалось пятнами снега, наваянными снежниками. В ложбинах и с подветренной стороны горных массивов, где обычно скапливается перевеваемый метелями снег, снежники нередко достигали значительных размеров, протягиваясь на сотни метров. Вблизи склона одного из снежников я неожиданно попал в своеобразное болото. Грунт здесь был настолько пропитан талой водой, что в него погружались ботинки, а в оставляемых следах проступала влага. Вдоль края снежника под тонкой корочкой льда слышалось журчание ручейка. И это все при температуре воздуха минус семь градусов! Такая вода образовала кое-где небольшие озерки. Эти водоемы небольшие, мелкие, некоторые из них правильнее называть лужами. В тихие, солнечные

дни, такие, как сегодня, вода в них прогрелась, они полностью освободились ото льда. Ближе к осени, когда солнце пойдет на убыль, эти озера, несомненно, промерзнут до дна. Но сейчас разгар антарктического лета, и термометр, который я опустил в одну из небольших луж, показывает плюс 4°. К тому же на дне водоема я замечаю темно-пепельные стебельки каких-то водорослей. Пусть на короткий срок, но жизнь и тут торжествует!

Достаю из рюкзака полиэтиленовые канистры и заполняю их водой. В специальные стерильные пробирки беру пробы талого грунта с водорослями. Гидрохимия здешних озер, населяющие их микроорганизмы почти не изучены. Уже не в первый раз выполняю я поручения сотрудников из самых различных лабораторий. Ведь не всем повезло попасть в Антарктиду!

Спускаюсь вдоль склона все ниже и ниже, пока не оказываюсь в котловине у северной, наиболее обогреваемой части горы Провендер. Один край котловины — каменный, усеянный валунами склон горы, противоположный — ледяной, борт ледника Блейк-лок. На дне котловины замеченное еще с самолета темное пятно, ожидаемое подледное озеро. Оно не имеет ничего общего с миниатюрными лужами у снежников, поперечные размеры его — несколько сотен метров.

Я ступаю на этот темный лед. Он неровный, пузырчатый, в отдельных местах на нем куполовидные вздутия, подобные тем, что встречаются на озерах в Сибири, где вода в сильные морозы вздымает, а иной раз и взрывает сжимающий ее ледяной панцирь. Нет никакого сомнения, что это — озеро. Толщина льда в его центральной части несколько метров, но у одного берега, по границе с нагретым солнцем валунами, лед тонок, и кое-где даже образовались закраины, шириной всего 10—20 сантиметров, из которых можно взять пробу воды. Здесь тоже много водорослей, только они другого цвета, густо-красные, как свекла.

Встреча с растениями в ледяной антарктической пустыне для меня всегда событие, ведь известно, что растительный мир южнополярного континента исключительно беден по сравнению с другими материками. На ледниках, которые занимают 99% площади Антарктиды, жизнь практически отсутствует. Лишь участки скал и в особенности озера — очаги жизни в ледяной пустыне. Особенно

широко распространены здесь водоросли. И не только в озерах. В пробах грунта, с виду совершенно безжизненных, которые мне приходилось отбирать раньше в различных районах Антарктиды, почти всегда оказывались те или иные водоросли. Расселению их по территории континента, в особенности на участки, которые прежде были покрыты льдом, способствуют птицы. Они могут переносить на своих лапах самые различные микроорганизмы.

За эти первые дни пребывания в горах Шеклтона мы еще не видели птиц, но о том, что эти места ими освоены, красноречиво свидетельствовал скелет снежного буревестника на песке вблизи озера. Я нагнулся к нему. По тому, что косточка ноги с согнутым коготком лежала в стороне от основной части скелета, можно было предположить, что снежный буревестник был растерзан поморником — грозной прожорливой птицей, «антарктическим шакалом», как его порой называют полярники за то, что он разбойничает в колониях пингвинов.

Голая, безжизненная на первый взгляд гора Провендер и ее окрестности оказались на самом деле, по антарктическим меркам, богаты жизнью. Здесь в озерах произрастали колонии водорослей, здесь обитали птицы. Правда, еще не удалось обнаружить ни единого экземпляра мха и лишайника. Но ведь это был первый маршрут, и такие находки можно было ожидать в дальнейшем. Район горы Провендер с полным основанием можно было назвать оазисом. Только в отличие от большинства антарктических оазисов, расположенных на невысоких скалах у берега моря, наш оазис был горным и к тому же находился на подступах к полюсу. Это делало наблюдения здесь особенно интересными.

В первый день, увлеченный новизной, открывавшейся буквально на каждом шагу, я не заметил, как пролетели 12 часов отведенного на маршрут времени. Путь обратно, к лагерю шел теперь вверх по склону, и последние километры я шел, покачиваясь под тяжестью образцов. Кроме проб воды, в рюкзаке была коллекция основных горных пород, мешочки с мелкоземом. Изучение мелкой, песчаной фракции позволит судить, какие минералы преобладают в составе местных пород. Иной раз именно таким образом удавалось обнаружить признаки месторождения полезных ископаемых. Я был доволен прошедшим днем. По сверкающим глазам своих

товарищей, также только что возвратившихся в лагерь, я видел, что и они удовлетворены первым маршрутом.

...Обычно каждое утро начинается с того, что, умывшись, я разжигаю плиту и готовлю на всю нашу команду кашу-геркулес. Это моя инициатива и, льщу себя надеждой, скромный вклад в хозяйственные дела лагеря. Ведь специалиста-повара у нас нет, кулинарные обязанности распределяются между всеми участниками. Но так как в хорошую погоду четверо из нас весь день в маршруте, хозяйничать на кухне приходится в основном Диме с Виктором, что, конечно, им порядком надоедает. Моя инициатива с геркулесом была воспринята основным коллективом поначалу настороженно и сдержанно. Володя хмуро высказался из спального мешка, что мужчина должен употреблять мясо. Его активно поддержал Игорь и, высунув из мешка свою курчавую голову, пропел по складам: «Мя-со...о...о...!» После чего, сделав страшное лицо, нырнул обратно в мешок.

Помешивая в кастрюле ложкой, я вкратце рассказал о пользе для организма и прежде всего для желудка овсяной каши. Выслушали меня скептически, но никому особенно не хотелось вылезать из мешка и готовить другую пищу, что и решило дело.

За завтраком все ели геркулес. Правда, хвалил кашу один Эдвард. Хронически невысыпающийся Виктор жевал с нескрываемым отвращением, пояснив, что еще с детства каши стоят ему поперек горла. Неожиданно меня поддержал Дима. Возможно, он страдал каким-либо скрытым желудочным заболеванием, но во всяком случае он с аппетитом съел свою миску и даже попросил добавки. Это подействовало на Володю и Игоря, которые, хотя и не просили добавок, осилили свои порции. Володя, правда, не преминул добавить, что с такой еды в маршруте ноги протянешь. Я, понимая, что новое всегда пробивает себе дорогу с трудом, решил не сдаваться.

...Дни стоят погожие, один лучше другого. И мы ежедневно с утра уходим работать. Похоже, что в январе хорошая погода здесь устойчива. Обычно же Антарктида погодой не балует, и мы по прошлому опыту привыкли каждый хороший день ценить, использовать его до отказа. И вот уже накопилось много дел в лагере: нужно чертить карту, упаковывать образцы, наконец, просто, не то-

ропясь, обдумать увиденное, разобраться в своих поспешных маршрутных записях. Да к тому же и ноги потеряли легкость. Мышцы, как у плохо тренированного спортсмена, побаливают. У меня после двух первых маршрутов их даже сводило. Вечером, и смех и грех, не мог никак забраться в спальный мешок. Только согну ногу — судорога. Спасибо Эдварду, дал мне какую-то специальную мазь. Словом, самое бы время передохнуть, но... стоит отличная погода, и мы снова уходим в маршрут.

С утра трудно сразу втянуться в рабочий ритм, ощущается какая-то вялость, медлительность. Первые километры, в общем-то, наиболее легкие, без крутых подъемов, даются с трудом. Стоит чуть увеличить темп ходьбы, тело покрывается испариной.

Горный хребет, выгнутый наподобие гигантской подковы, окаймляет засыпанную валунами котловину с трех сторон. Я держу путь на юго-восток как раз к вершине «подковы». Возможно, этот маршрут объяснит, откуда принесено сюда такое огромное количество скальных обломков.

Сегодня дует легкий встречный ветер. Нас избаловала штилевая погода, и вот теперь даже такой ветерок кажется неприятным.

Первая остановка у горы в центре котловины. Это одинокий останец, словно пирамида в пустыне. Гора возвышается надо мной почти на две сотни метров. От вершины ее вниз тянется шлейф гигантского снежника — идеальное место для катания на горных лыжах. И подобных снежников тут немало. Невольно приходят в голову смелые идеи об организации здесь летнего отдыха. Солнце, чистейший воздух, чем не горнолыжный курорт!

...Вот уже несколько часов я пробираюсь среди нагромождений каменных глыб. Ощущаешь себя, словно среди волн, одиноким пловцом. И сложно разобраться в этом каменном хаосе, понять, каким образом, в какой последовательности создано все это отступившими ледниками. Наконец, я выхожу к подножию горы с гладкими, словно зализанными склонами. Темно-коричневая вершина ее имеет двугорбый профиль, и, конечно, сразу напрашивается сравнение с верблюдом. Часть гор в этом районе пока безымянные, так что, вполне возможно, некоторые названия с наших полевых карт будут использованы картографами.

Меня продолжает мучить вопрос: откуда поступал лед в эту

котловину, каким образом накопилось здесь столько валунов? Котловина открыта с запада, со стороны нашего лагеря, основные же ледники движутся сейчас с противоположной, восточной стороны. Но с востока вершину «подковы» замыкает седловина горного хребта. Правда, она не слишком высока, и, возможно, более мощный ледник в прошлом переползал через нее. Но чтобы решить, так ли это, нужно пройти туда, осмотреть саму седловину.

Я отошел уже километров на восемь от лагеря и теперь постепенно поднимаюсь все выше и выше по склону. Вот уже открылся вид на соседние массивы. К седловине примыкают большие снежники. Где-то там за ними работают геологи. Они отправились сюда на «Бурани» в обход всего массива, и след снегохода, пересекающий подножия снежников, хорошо виден мне сверху.

Еще несколько десятков метров — и я выхожу на седловину и заглядываю за край гигантской каменной чаши. Передо мной во всей красе сверкает величественный купол Фукса, тот самый, вокруг которого на собачьих упряжках прошли английские топографы. Рядом с ним броская, похожая на пень, гора Флет-топ, скальный останец с почти отвесными стенами. На его плоскую вершину наши топографы уже забросили с помощью вертолета сборный домик. Там в скором будущем намечено создать радиодальномерную станцию для аэрофотосъемки. Я перевожу взгляд вниз, ближе к подножию гребня, и на склоне узкой, торчащей, как кривой турецкий кинжал, темной горы вижу три маленькие фигурки. Одна из них в красной куртке. Это, несомненно, наш «красный» американец Эд. Две другие в темных ватниках — Володя и Игорь. Я кричу туда, в пропасть. После долгого одинокого маршрута это почти физиологическая необходимость. Но, очевидно, легким моим не хватает той мощи, которая присуща нашему вокалисту Игорю, или просто ветер относит мой голос.

Седловина, попасть куда я так стремился, выровнена. Слово по скалам, тут прошелся бульдозер. Все это свидетельствует о том, что здесь двигался ледник. Однако необходимы более веские доказательства.

Опустившись на колени, я внимательно, пядь за пядью осматриваю поверхность. На ней кое-где видны мелкие царапины, борозды. Скорее всего, это ледниковая штриховка, но в Антарктиде

и ветер, несущий частицы песка и снега, также способен оставлять следы на поверхности скал. Я прохожу еще несколько метров вдоль гребня. И вот наконец: эврика! На пластах мрамора лежат валуны гнейсов. Это неоспоримое свидетельство пребывания здесь ледника. Никакие иные силы, за исключением льда, не могли занести сюда эти большие, до полуметра в диаметре, обломки. Теперь ясно, что значительная часть валунов принесена в котловину с востока в то время, когда оледенение в горах Шеклтона было значительно более мощным. Однако другие потоки льда, огибавшие по глубоким долинам весь массив Провендер, должны были затекать внутрь межгорного понижения и с противоположной, западной, открытой части. Таким образом, на определенном этапе своей истории котловина представляла собой как бы ловушку для ледникового материала. Когда оледенение стало сокращаться, приток льда с востока оборвался. Лед в котловине постепенно начал стаять, и на поверхности сгрудились содержащиеся в нем обломки, так называемая морена.

Когда происходили эти события? Ответ на такой вопрос может дать детальное изучение рельефа котловины, геохимических преобразований на поверхности валунов и в мелкозем. Вот еще для чего необходимы многочисленные образцы, которые отягощают рюкзак и обычно вызывают недовольствие летчиков при погрузке в самолет.

В лагерь я возвращаюсь с небольшим опозданием, за что и получаю справедливое замечание от Володи. Ребята уже отужинали и блаженно растянулись на раскладушках. Только Дима деловито выпиливает что-то из листа фанеры.

Виктор достает из духовки оставленную мне долю картошки с мясом. Хмурый вид его никак не соответствует той внимательности, с которой он это делает. К тому же он приготовил чудесный морс из клюквы. После того как ты изрядно пропотел в маршруте, этот напиток кажется божественным.

Поблагодарив Виктора, я выхожу из командирской палатки и устало бреду к себе. Эд уже дремлет в красном американском мешке. Перед тем как последовать его примеру, выхожу умыться и, оглядевшись, застываю в изумлении.

Удивительная облачность легла прямо на поверхность ледника

Блейклок. Подобно пелене тумана в болотистых низинах средней полосы России, она залила понижения, а выше над ней, словно верхушки деревьев, вздымаются горные вершины.

Сверкающее антарктическое безмолвие, ничто не шелохнется. Да и что может шелохнуться в этой пустыне из льда и камня? Алый флажок на нашей радиомачте и тот бессильно обвис. Казалось, природа спит с открытыми глазами.

Непогода

Сон был тяжелый, в полудреме я все порывался выскочить из мешка и задыхался. В палатке, несмотря на выключенную еще с вечера газовую горелку, казалось душновато. То ли штиль и незаходящее солнце способствовали этому, то ли стало падать атмосферное давление, а скорее всего просто накопилась изрядная усталость после ежедневных маршрутов, и от этого была тяжелой голова и поламывали мышцы и суставы ног.

После завтрака я сел за записи на полчаса и не заметил, как клюнул носом и проспал часа полтора прямо так, опустив голову на стол. Ребята уже ушли в маршрут. Спohватившись, стал собираться и я. До контрольного срока возвращения оставалось часов семь, не больше, и я решил пройти вдоль западного края котловины, не поднимаясь на горные склоны.

Не спеша, глядя под ноги, со сдвинутыми на лоб солнцезащитными очками я брел по каменистым кочкам, всматриваясь в бесконечные гряды валунов и стараясь уловить различия в их облике, что позволило бы разобраться в последовательности образования этой огромной и с виду такой однообразной поверхности. День был ясный, солнце сверкало ослепительно. И когда на пути попадались снежники, я опускал очки на глаза. Иначе смотреть было просто невозможно. Но вот нога снова ступала на камни, и можно было сдвинуть запотевшие стекла.

Валуны, валуны... От них рябило в глазах. Вот пестрые, формой похожие на гигантские тыквы, древние конгломераты. Раньше в других районах Антарктиды мне почти не приходилось встречать эти породы, зато здесь они попадаются часто. Галька, из которой состоят валуны конгломератов, хорошо окатанная, яркая: кирпич-

но-красная, светло-серая, порой голубоватая. Образовалась она в быстрых водных потоках, которые текли здесь более 500 миллионов лет назад. А вот плоские, похожие на матрацы, глыбы темных глинистых сланцев. Одну такую гигантскую глыбу размером два на три метра со свойственным ему рвением разрабатывает близ лагеря Игорь. В ней на сколах попадаются отпечатки трилобитов — редкая для этого района палеонтологическая находка. Обнаружил ее совершенно случайно наш радист Дима, облюбовавший приметный камень для собственных надобностей. Попадают среди валунов и обломки мрамора, чаще серого, но иногда светлого, даже с розовым изломом. Но вот что интересно: нигде тут нет поселений лишайников. И сама поверхность валунов не слишком выветренная, чаще всего серая. Все это говорит о том, что ледник отступил, отсюда сравнительно недавно, не более нескольких десятков тысячелетий назад. Иначе валуны под действием антарктического солнца, мороза и ветра подверглись бы зримым изменениям, сильно выветрились. Подобные древние валуны мне приходилось встречать в других районах Антарктиды. Поверхность их обычно становится красновато-коричневой, неровной. Ее покрывают кружева ячей выветривания. На таких валунах встречаются колонии лишайников, да и птицы любят устраивать тут свои гнездовья.

Дойдя до края котловины, где она граничила с длинным навесным ледником, спускающимся с горы Верблюд, я стал подниматься вдоль его края. Я увлекся наблюдениями, взгляд мой все время был устремлен вниз, как у грибника, и когда, наконец, остановился передохнуть и, подняв голову, осмотрелся, с удивлением увидел, что внизу над ледником Блейклок и у самой вершины горы Провендер клубились, будто танцевали, то возникая, то рассеиваясь, клочья кучевых облаков. А с севера на котловину и на наш лагерь наступала плотная, как ватное одеяло, полоса облачности. Края ее беспрестанно смещались, порой пульсировали фантанчиками вверх или выбрасывались вперед длинными языками. Казалось, это была какая-то живая, одухотворенная масса. И приближение ее невольно вызывало беспокойство. Но пока облачность была довольно далеко, и я продолжал маршрут. Через час, однако, район лагеря был словно проглочен облаками, вскоре задерну-

ло и вершину горы Провендер. Облачность неуклонно подбиралась ко мне. Тут я заметил на соседнем леднике красную фигурку Эда — он торопился, спешил вниз к дому. Мне оставалось еще подняться на ближайший уступ и отобрать там пробы, иначе пришлось бы идти сюда еще раз специально за этим.

Спустившись с ледника, Эд прошел мимо меня метров в пятистах. Я хотел окликнуть его, возможно, он и услышал бы мой возглас, но решил, что не стоит его задерживать.

Через полчаса работа была закончена. Я сделал несколько снимков наступающих на меня клубящихся облаков, поудобнее поправил рюкзак и зашагал к дому. По моим расчетам, лагерь был не более чем в шести километрах.

Через несколько минут темные облака окутали все вокруг, и видимость практически исчезла. Сквозь мглу проступали лишь камни на несколько метров вперед, но когда я выходил на снежник, окунался как будто в молоко. Выручало солнце, бледное пятно его все же обозначалось на небе, и я шел, устойчиво держа его чуть слева, так я должен был выйти на лагерь. Беспокоиться особенно было нечего. Рельеф котловины я уже знал достаточно хорошо и выйти к лагерю — рано или поздно — вышел бы, но проплутать, пройти не самым прямым маршрутом, а значит, запоздать и заставить волноваться товарищей было немудрено.

Порой, когда приходилось пересекать большие снежные поля, казалось, что я уже вышел за пределы морены, иду где-то далеко по леднику, вот-вот могут появиться трещины, и надо скорей заворачивать назад к спасительным валунам. Но я сдерживал себя и шел выбранным направлением. В один миг, когда видимость немного улучшилась, мне померещились в просвете облаков в стороне от моего курса две палатки. Они виднелись столь явственно, что я чуть было не свернул туда, так заманчиво рисовались их темные купола. Не иначе как снежная королева искушала меня, приглашая в свои чертоги! Я прибавил хода, и из мглы возникли бочки — это было место поблизости от лагеря, где заправлялись вертолеты.

Пятью минутами раньше в лагерь пришел и Эд. Он сделал небольшой круг, но также без особого труда нашел палатки. Ребята уже встречали нас. Володя с Игорем вернулись еще до того,

как на лагерь наполнили облака. Ребята были уверены, что мы вышли на их выстрелы, время от времени Дима с Игорем палили из ракетниц, но мы ничего не слышали: плотный туман поглощал звуки, как губка.

После маршрута все с удовольствием пили чай. Эд сидел с поцарапанным носом — когда отбивал образец, от скалы отскочил острый осколок. Нос Эда вечно подводит. Очевидно, работа на холоде дала себя знать — у Эда хронический насморк. А теперь вот в довершение всего на носу царапина и запекшаяся кровь. Но Эд на все эти мелочи абсолютно не реагирует. На лице его неизменное флегматичное выражение. Поев и пожелав всем доброй ночи, он устраивается за столом. Не торопясь, методично разбирает и регистрирует свои образцы, весь пол у нас завален ими.

Ребята после ужина уселись играть в диковинную игру, все необходимое для которой смастерил Дима. По специальной, выпиленной им из фанеры доске с дырочками перемещаются фишки. Ходы определяются броском пары игральные костей, тоже мастерски изготовленных нашим умельцем. Игра шумная, азартная, сопровождается комментариями и бодрящими возгласами: «Заряжай!», «Скок», «Оп-па» и т. д....

У палаток клубится туманный сырой воздух, температура понизилась до минус 8°. Доска, к которой прикреплен наш умывальник, обледенела. Хорошо, что резкое изменение погоды не застигло в воздухе нашу авиацию. Собравшись умыться, я тщетно пытаюсь поднять носик умывальника. Резкое движение — и умывальник вообще развалился, металл треснул. Спасибо Эд, высунувшись из палатки, полил на руки из чайника.

...Просыпаюсь от гула, но это не самолет. Устойчивое завывание, хлопанье и подрагивание палатки производит сильный ветер, скатывающийся сверху, с горы Провендер. Сбоку по снежнику несетя шлейф снежной пыли. Когда выходишь из палатки, от плотного воздушного потока спирает дыхание. Но ветер, хотя и резкий, неожиданно теплый, прямо-таки горячий. Действительно, термометр показывает, что температура прыгнула вверх до рекордной отметки, плюс 5°! Это у нас первый случай такого резкого потепления. Несомненно, повышение температуры связано с потоком ниспадающего воздуха, который разогревается за счет опус-

кания. Подобные ветры — фёны — известны и в других районах земного шара.

Пурга и повышение температуры грозят нанести ущерб разнообразному лагерному снаряжению и продуктам, сложенным у палаток. Поэтому, как только ветер немного слабеет, объявляется аврал. Закрываем ящики брезентом, склад с продуктами изолируем от теплого воздуха фанерой и сверху присыпаем снегом.

Днем я готовлю обед. Диме и Виктору за эти дни ясной погоды кухня порядком надоела. Варю суп из баранины, жарю морского окуня к отварной картошке. Хотя кулинарного техникума я не кончал, по опыту знаю, что все получается, если берешься за дело с желанием и хорошим настроением. Важно только суметь нейтрализовать Игоря, ему, как человеку темпераментному, не сидится на месте, он все время порывается помочь, беспрестанно советует и уже дважды пытался посолить уже посоленный мной суп. В конце концов я убеждаю его, что ветер ослабел, немного прояснилось, стала видна гора Провендер и он сможет наколоть из лежащей рядом с лагерем глыбы сланца еще несколько десятков прекрасных образцов с отпечатками трилобитов. Я прошу один из них обязательно презентовать мне, и он, вполне удовлетворенный таким интересом к его любимому делу, одевается и, вооружившись молотком и зубилом, уходит.

Тогда и Эд, хотя все пытаются отговорить его, собирается в маршрут к ближайшей горе, откуда в случае ухудшения погоды можно легко вернуться.

Ветер действительно почти прекратился, но тяжелый влажный туман снова заволакивает все вокруг. Эд не успевает отойти и на полкилометра, как видимость резко ухудшается. Дима выходит и дает красные ракеты. Нет, не удастся Эду сегодня поработать. Летят мокрые, липкие снежинки, на темном пологие палатки они моментально тают, ручеек по брезенту затекает к нам под раскладушки. Тоска зеленая!

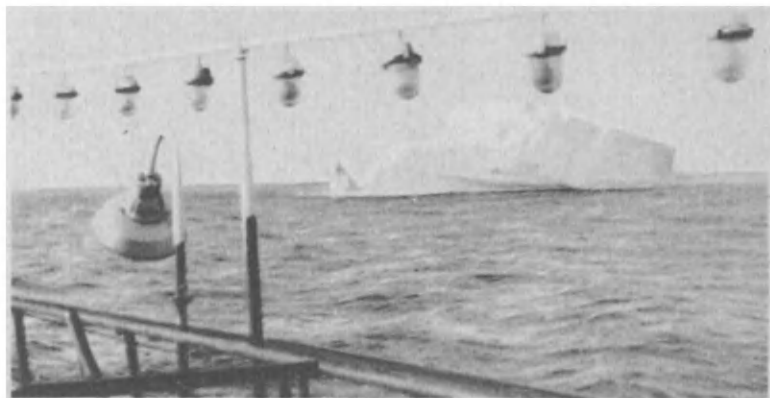
Вдобавок на ракетные сигналы Димы, решив, что они адресованы ему, прибегает разъяренный Игорь с зубилом, орет на нас: «Чего палите, не даете человеку работать!» Утихнув, он дарит мне сланцевую плитку с отпечатком трилобита размером с трехкопе-

ечную монету. Уверяет, что точно такие же чудовища обитали в начале палеозойской эры у нас в Сибири.

Пока еда готовится на плите, иду выбросить ведро с кухонными отходами. Для помойки у нас отведено специальное место, дабы не загрязнять окружающую среду. Там меня уже ждут, покрякивая, две большие бурые птицы. Это семья поморников, которые в последние дни стали регулярно наведываться к нашему лагерю. Поморники — разновидность полярных чаек — совсем неплохо чувствуют себя рядом с человеком и порой совершают с экспедициями далекие и опасные путешествия. Известно, например, что эти птицы сопровождали первоисследователей Антарктиды в их походе к Южному полюсу. Отмечен даже случай прилета поморника на нашу внутриконтинентальную станцию Восток — полюс холода всей планеты. Ну а на прибрежных станциях поморники летом — постоянные квартиранты. Свободную охоту, смелый поиск и разбой в колониях пингвинов и буревестников они променяли на пассивное ожидание у мусорных станционных куч. Стоило появиться в горах Шеклтона нашему лагерю, и к нам стала на довольствие семья поморников. Вначале птицы были очень недоверчивы и улетали сразу же, стоило выйти из палатки, но теперь уже вполне освоились с обстановкой. Отъевшись на казенных харчах, они заметно отяжелели и отлетели немного в сторону, лишь когда я подошел к ним почти вплотную. Содержимое моего ведра не вызвало у них особого энтузиазма. В последние дни Дима разбаловал птиц, подбрасывая им от щедрот своих потемневшие из-за длительного хранения яйца и позеленевшие по краям куски эскалопа. И все же хотя поморники и не могли справиться с таким обилием пищевых отходов, они трудились на совесть, недаром за ними закрепилось амплуа «санитаров»....

...К вечеру непогода вновь разыгралась, загудел ветер, палатка захлопала, забила. Снег снова стал засыпать валуны. Виктор померил скорость ветра, сообщил: порывы до 25 метров в секунду. Вскоре все камни вокруг палаток покрылись белой пеленой. Видимость сократилась почти до нуля. От палаток не отойти, заблудишься. К тому же снег набивается всюду под одежду. Стоит пройти из палатки в палатку — весь облеплен им с ног до головы.

Включив газовую горелку и удобнее устроившись на раскла-

Встреча с айсбергом

Кергелен — «острова отчаяния»

На кергеленских пляжах

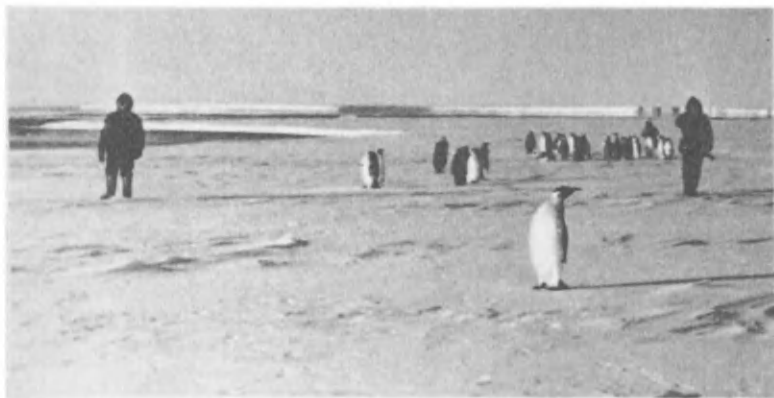
Полярник В. Сидоров демонстрирует прекрасное противоцинготное средство — кергеленскую капусту

В ледовом поясе

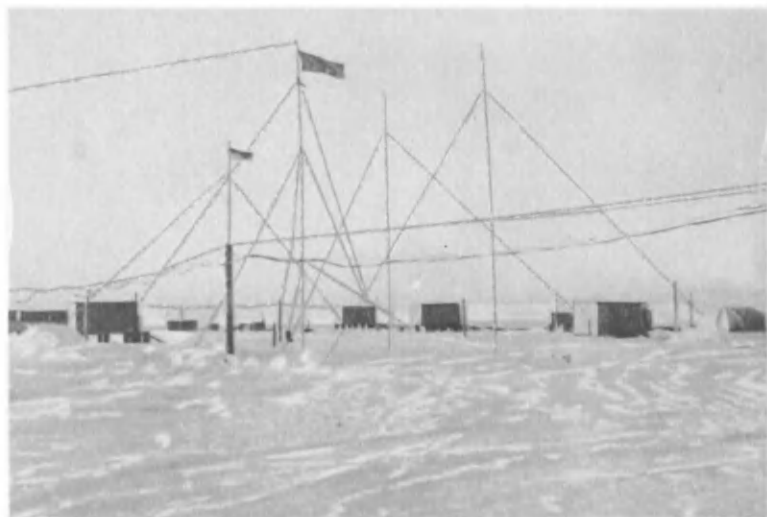
«Пенжина» у шельфового ледника Фильхнера

Знакомство с аборигенами

Установка сборных домиков

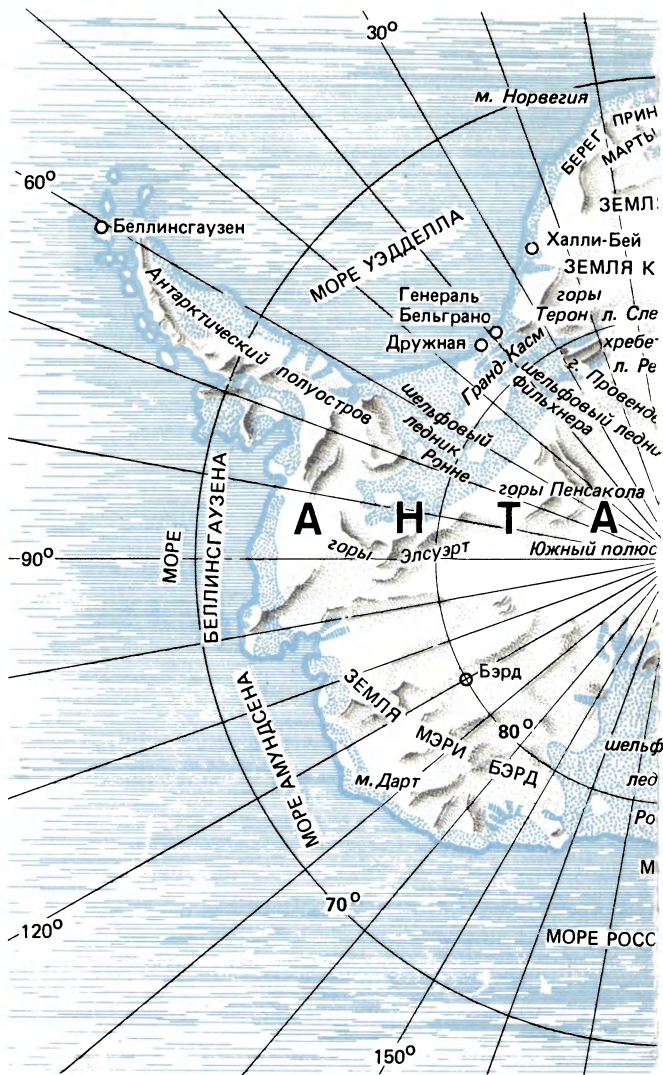
База Дружная

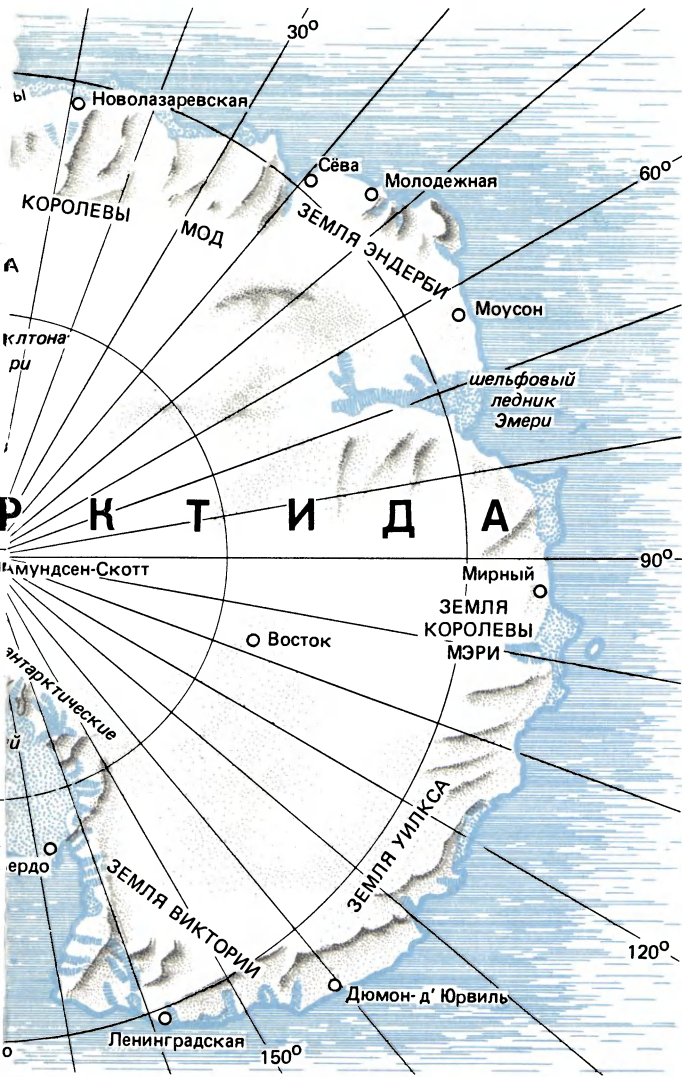

Полярники Дружной: А. Банщиков,
В. Лебедев, Г. Клемяционок,
М. Кравец, В. Стремский,
А. Карандин и автор

Горный оазис Провендер

В новогоднюю ночь

Наш частый гость — поморник

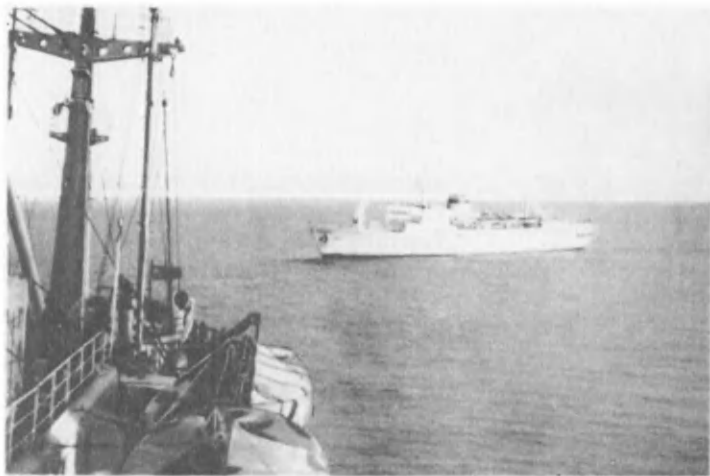
Горные вершины

Американские геологи

Радиодальномерная станция

Встреча с «Эстонией»

Курсант Евгений Зыков

Дизель-электроход «Лена» в феврале 1957 г. у места катастрофы

Самые молодые участники выгрузки на «Барьер отважных»

Прощание на острове «вечной зимовки». Фото К. Маркова

Домой на борту «Эстонии». Г. Пейх, В. Боярский, В. Степанов.

До свидания, Атлантический океан!

душке, я советую Эду: «Сидеть и не рыпаться». «Не рыпаться», — тотчас заносит он в тетрадь новое для себя выражение.

Мы сидим и слушаем, как гудит ветер. Он неровный, порывистый. Сначала загрохочет в горах — значит, приближается очередная волна. Звук доходит первым, а через мгновение обрушивается сам порыв, и палатка вздрагивает, напрягается.

Аккомпанемент пурги несколько не мешает ребятам играть в их фирменную игру. До нас то и дело доносятся их бодрые возгласы: «Скок... заряжай». И наконец победный клич «Op-pa!», в котором неповторимо звучит зычный голос Игоря, перекрывает вой пурги и разносится далеко за пределы нашего лагеря. Сидящий за разбором образцов Эдвард вздрагивает, недоуменно смотрит на меня и зябко поводит плечами.

На следующее утро вылезает из палатки — вокруг все бело, местность преобразилась. Вся котловина занесена снегом. Под ним погребены и валуны, изучению которых я хотел уделить специальное внимание. Конечно, достаточно одного тихого солнечного дня, и снег на морене растает, но я возвращаюсь в палатку огорченный. Разжигаю газовую горелку и делюсь с Эдвардом своими соображениями о заносах снега.

«На скальных обнажениях сейчас тоже не фонтан», — поддерживает мою мысль Эдвард, высываясь из мешка. Длительное общение с геологами не прошло для него даром и значительно обогатило его словарный запас.

У ребят в соседней палатке после вчерашней бурной игры сейчас гробовая тишина. Порывы ветра, хотя и ослабшего, хорошо убаюкивают. Пожалуй, и сегодня не придется работать. Тем более что в небе, в самом зените раскинулось хитрое облако, четкий, словно нарисованный, диковинный цветок с тремя лепестками. Этот трилистник в давние времена, несомненно, толковался бы как вещий знак. В наши же дни его с успехом можно принять за летающую тарелку.

Эдвард, накинув куртку, вылезает за порог, смотрит в раздумье на странное облако. Потом прислушивается к тому, что происходит в соседней палатке. Там наша кухня — жизненно важный центр, а аппетит у Эдварда на редкость хорош. Молодой организм требует восполнения энергии, израсходованной в маршрутах.

— От них ни слуха, ни духа! — грустно констатирует Эд.

— Ничего, — успокаиваю я его. — Сейчас я пойду, сварю овсяную кашу.

— Овсянка — это хорошо, ее лошади обожают, — веселит Эдвард. С утра от голода он в лингвистическом ударе.

Название нашей главной горы, на вершину которой я предполагаю подняться, как только улучшится погода, Провендер, что в переводе с английского означает «корм», «фураж». Это, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к овсянке, каше геркулес, которую мы с Эдом, заражая понемногу остальных, поглощаем по утрам. Геологи, правда, грозятся поднять против овсянки бунт, но пока все обходится. Даже Дима сварил однажды овсяную кашу.

Днем так и не распогодилось. Дул ветер. Небо было заложено облаками. После полной миски каши настроение Эда резко улучшилось, и на мои сетования по поводу плохой погоды он ответил, как истинный философ: «Ничего, перемелется, мука будет!»

Эдвард уже запаковал все свои образцы в специальные двойные мешочки, сделал все необходимые записи и теперь на досуге читает рассказы Станюковича, продолжает совершенствовать свои языковые знания. Иногда он обращается ко мне с вопросами: «Скажи, Володя, что такое «хлыщ»? Как это — «облобызать»? Что значит «с жиру бесишься»? Я в меру своих сил поясняю. Порой я делаю попытки поговорить с ним по-английски. Мне ведь тоже хочется попрактиковаться. Живу с американцем в одной палатке, стыдно не использовать такую редкую возможность. Не тут-то было, Эд упорно отвечает мне по-русски, заявляя, что он не хочет говорить со мной по-английски.

За обедом радист Дима сообщает последние новости с Дружной. Туда вскоре должен прилететь из Мак-Мердо, с другого конца Антарктиды, «Геркулес». Нет, на сей раз это не имеет ничего общего с популярной в нашем лагере овсянкой. Такое название носит большой американский самолет, используемый нашими зарубежными коллегами в Антарктиде. На «Геркулесе» прилетит еще один американский геолог. «Тебе, Эдвард, наверное, нужно будет полететь в Дружную, встретить его», — заключает Дима. Но Эд-

вард, судя по выражению его лица, отнюдь не в восторге от ожидаемого прилета соотечественника.

«Эдварду у нас и так хорошо. Во всяком случае никакой конкуренции! — высказывает предположение прямолинейный Володя, а быстрый Игорь, хлопнув Эда по плечу, запекает: «Послушай, князь, что ты не весел?.. Хочешь, возьми коня любого... У меня есть красавицы чудные...» Эдвард только хлопает глазами.

К вечеру распогодилось. Небо очистилось, ветер стих, снова засверкало солнце. Снег начал стаять, уже обнажились края валунов. Если такая погода удержится, завтра можно идти в маршрут.

Перед сном я вышел из палатки и остановился в раздумье. Скоро моему примеру последовал Эд. Мы постояли, глядя на горы. Красота вокруг была какая-то неземная, холодная, аскетическая. Царственно сверкали льды и снега, темнели вершины гор, но все это не согревало сердца. В цветовой гамме явно не хватало зелени, склоны были мертвые, голые, ничего не оживляло суровый простор этой великой снежной пустыни.

И тишина стояла такая, что звенело в ушах. Раньше я не понимал этого выражения. Оно казалось мне явным преувеличением, просто красивым образом. Теперь я ощущал эту звенящую тишину собственными барабанными перепонками.

На вершине

Погода на сей раз не подвела. С утра наша четверка рьяно готовится к маршруту. Хмурый Виктор с завистью наблюдает за нашими сборами, он истосковался по прогулкам, привязанный к своим приборам.

«Предлагал тебе стрелять в твой градусник, — весело кричит ему Игорь, — тогда бы сейчас пошел с нами!»

Опытный и понаторевший в полярном деле, Дима успокаивает огорченного Виктора, напоминая ему известную «мудрость» о том, что «умный в гору не пойдет».

Мой сегодняшний маршрут как раз и лежит вверх на вершину горы Провендер, которая господствует над всей окружающей местностью. Часа через два остались позади волны каменного моря, и я вышел на крутой, местами покрытый снежниками склон,

который вел к вершине. Судя по карте, мне предстояло подняться еще метров на 400.

Чем выше, тем склон становился круче, и порой приходилось карабкаться по нему на четвереньках. В который раз меня выручают альпинистские ботинки — подарок моего старшего товарища по одной из первых антарктических экспедиций, геолога Льва Климова. Ботинки видали виды, носы у них сбиты, но шипы еще держат, на крутизне я чувствую себя устойчиво и поминаю добрым словом давнего антарктического друга.

Когда после очередного броска вверх по склону я останавливаюсь передохнуть, неожиданно слышу сверху резкие звуки, похожие на протяжный тягучий скрип, словно вращаются колеса намазаной телеги. Высоко в ясном небе, рядом с нависающими над головой скалами скользят, плавают в хрустальном воздухе белые птицы — снежные буревестники. Их пять. Очевидно, птиц встревожило мое появление. Ведь, несомненно, где-то там близ вершины находятся их гнездовья.

Удивительные, героические птицы! Сколько труда стоит им осваивать эти суровые далекие горы! Ведь источник питания — море — в 300 километрах отсюда. Можно представить, как непросто вырастить в таких условиях потомство.

В который раз благословляя свои ботинки — в резиновых сапогах мне бы тут никак не подняться, — вылезая со снежника на скалы. И тут на серых глыбах гранатовых гнейсов вижу, наконец, долгожданные колонии лишайников. Их оранжевые узоры на камне, словно диковинные, экзотические цветы. Лишайники забили трещины в породах, уютно устроились в углублениях. А чуть выше, в укрытых от ветра нишах, на мелкоземке зеленеют подушечки мхов!

Это было удивительно. Внизу, у подножия горы, на валунах исхоженной вдоль и поперек котловины ни мхов, ни лишайников не росло. Там попадались лишь водоросли по берегам озер. Зато здесь, близ вершины, обосновался своего рода ботанический сад. Недаром это место облюбовали снежные буревестники. Направляясь в маршрут, я был почти уверен, что обнаружу на горе лишайники, но увидеть здесь такую пышную флору, и в особенности мхи, не ожидал.

Лишайников в Антарктиде около 300 видов, и они весьма невзыскательны к условиям местообитания. Экземпляры этих растений найдены и на самых ближайших к Южному полюсу горных выходах, но вот мхи обычно произрастают лишь в прибрежных оазисах. Богатство растительной жизни на горе Провендер наводило на мысль, что и в максимум антарктического оледенения эта вершина не была покрыта льдом. Здесь существовало своего рода укрытие, убежище для антарктической флоры. У подножия же горы, где хозяйничал ледник, вся растительность была уничтожена. А процесс восстановления ее, после того как льды несколько отступили, в полярных областях, как известно, идет очень замедленно, в суровом климате Антарктиды в особенности.

Из-под глыб, мимо которых я проходил, раздавались встревоженные крики снежных буревестников. Очевидно, и здесь, так же как и на Земле Королевы Мод, близ гнездовой этих удивительных птиц можно было обнаружить мумиё — вещество, о целебных свойствах которого до сих пор не перестают спорить медики. Но у меня не было времени пускаться на его поиски. Подъем и так занял слишком много времени. В лагерь я должен был вернуться строго к контрольному сроку.

А вершина все еще не достигнута. По узкому гребню я, торопясь, преодолеваю последние метры. Вот еще несколько ступеней. Перелезаю через последний уступ. Перед глазами открылась небольшая площадка, а на ней (неожиданность!) аккуратно сложенный каменный гурий. Кто-то уже побывал здесь. Что ж, я не расстраиваюсь, что не мне достались лавры первовосходителя. Кто были мои предшественники — неизвестно. Записки среди камней гурия я не обнаружил. Возможно, сюда поднимались англичане — первоисследователи этих мест, но не исключено, что гурий сложили участники советской экспедиции, ведь год назад в районе Провендера уже работали рекогносцировочные группы наших геологов.

Повинуясь внезапному порыву, я торопливо пишу записку. Всего несколько строк, где выражаю надежду, что мне еще придется побывать здесь. Да, я хочу вновь оказаться на этой вершине, хотя, признаюсь, не уверен, что мое желание осуществится. К кому обращено мое послание? Если бы я мог ответить! Но мне нужно

написать эти слова. Они нечто вроде молитвы или языческого заклинания. Свернув листок, засовываю его под камень.

Вид с вершины поистине великолепен. На север уходят бесконечные ледяные пространства. Гигантский ледник Слессор обозначается на первом плане полосами трещиноватых блестящих ледяных валов. За ним ледяная пустыня становится пепельно-голубоватой, расплывчатой, сливаясь на горизонте в направлении Дружной с пеленой низкой серой облачности. Как обычно, там, у моря, на краю шельфового ледника пасмурно. На юго-восток открывается панорама гор. Прямо через долину россыпь нунатаков Лаграндж с приметной вершиной — горой Скидмор.

В солнечном блеске скалистые массивы в окаймлении сверкающих ледников выглядели на редкость величественно. Эта картина завораживала. То ли от быстрого восхождения, то ли именно от этого головокружительного вида стучало сердце и перехватывало дыхание. Казалось, звучал орган! Я никогда не думал, что картины природы могут оказывать такое воздействие, вызывать эмоциональное потрясение. Возможно, это усугублялось тем, что я был один на вершине, а в одиночестве все воспринимается особенно резко. И еще было некоторое сожаление, грусть, что невозможно сохранить, удержать в памяти не только всю эту чарующую картину, но и это особое приподнятое состояние.

Я разглядывал раскинувшуюся панораму, развернув полевую карту. Отыскивал знакомые вершины—Флет-топ, купол Фукса. Горы, окаймленные ледяными потоками, напоминали корабли в океане льда. Их темные, словно бронированные, борта были оглажены, зализаны, приняли обтекаемую форму.

Коричневый хребтик убегал из-под моих ног к югу, то пропадал под снежниками, то горбился, вздымался острым гребнем. Потом он заворачивал к западу, понижался, образуя знакомую мне седловину, и снова шел вверх, принимая двугорбый профиль. Вся каменная подкова была теперь у меня перед глазами. А внутри ее от борта до борта все было усеяно валунами. Лишь в центре однообразии нарушала одинокая темная гора, как пирамида в пустыне. Сверху котловина выглядела, однако, несколько по-иному. Казалось, внизу расстелена гигантская сеть с мелкими ячейками. Такой вид придавали ей многочисленные пересекающиеся трещи-

ны, образовавшиеся в результате растрескивания мерзлых грунтов. Снег, скопившийся в углублениях трещин, делал картину особенно выразительной.

Далеко внизу, прямо напротив солнца угадывались точки наших палаток. Там, наверное, уже готов ужин, у Димы свежие новости, может быть, он принял и для меня радиограмму из дома. Нужно торопиться в лагерь.

Послышался гул. Рядом с горой проплыла рукотворная птица, маленькая оранжевая «аннушка». Это наши геофизики возвращались из маршрута на Дружную. Я помахал ей, как будто с самолета могли заметить мою крошечную, не больше муравья, фигурку на вершине...

Мы сделали много открытий,
но по сравнению с тем, что осталось
сделать, это не более
как царапина на льду.
Роберт Фолкон Скотт

ГЛАВА 4. КОНЕЦ ЛЕТНЕГО СЕЗОНА

От фотоснимка к карте

Время в экспедиции бежит быстро. Заканчивается второй месяц нашего пребывания на ледяном побережье моря Уэдделла. В разных точках этой огромной территории действуют сейчас полевые партии, где работают геологи, геофизики, геодезисты. Но центр продолжает оставаться на Дружной. Отсюда осуществляется руководство всеми работами, сюда стекается вся информация, здесь наша базовая радиостанция, аэродром.

Каждое утро, если только погода позволяет, уходит на аэрофотосъемку самолет Ил-14. На его борту экипаж во главе с командиром корабля Борисом Горбовым и руководителем радиогеодезической группы Валерием Гребневым. Погода на побережье редко бывает безоблачной, и пока удастся летать в основном над внутренней, горной частью ледового материка. Там сейчас в заранее намеченных пунктах расставлены радиодальномерные станции (РДС) — сборные дома, где размещаются аппаратура и обслуживающие ее сотрудники, обычно три человека. С помощью радиодальномеров фиксируется положение съемочного самолета, и каждая аэрофотография получает привязку на местности.

Станции разбросаны на наиболее возвышенных точках. Одна находится в горах Терон, поблизости от огромного птичьего базара; другая — ее назвали Ленинградской — расположена в

западной части гор Шеклтона на плоской, как стол, вершине, господствующей над окружающими ледниками; третья, наиболее удаленная от Дружной, разместилась на одинокой скале, чуть проклюнувшейся над поверхностью ледникового покрова, который здесь достигает высоты в 1700 метров. Как только Ил-14 выходит на съемку, РДС включаются в дело.

В конце рабочего дня, когда самолет возвращается на Дружную, пленку проявляют. Это позволяет сразу же определить качество съемки. Пробные отпечатки поступают к специалистам — картографам. Порой не все ясно на снимке даже опытному глазу географа. Либо тень от склона скрывает истинные контуры, либо сам характер явления в мелком масштабе выглядит непонятным. Чтобы разрешить все спорные вопросы, район облетают на вертолете, осматривают сложные участки с малой высоты, а иногда даже садятся и проводят наземные наблюдения. Эту работу выполняет инженер-топограф Анатолий Федоров.

Несколько лет назад Анатолию, тогда еще не знакомому с ледяным континентом, пришлось участвовать в составлении антарктических карт. Это оказалось непросто, не все было понятным, появилось желание увидеть необычный материк своими глазами. И вот встреча состоялась. И по увлеченности, с которой работает Анатолий, можно твердо сказать: она его не разочаровала.

В слаженных, четких действиях большого коллектива топографов, геодезистов и летчиков залог того, что карты этого района будут содержать много новой интересной информации и, главное, будут точными. Исследователи Антарктиды из самых разных стран мира скажут тогда спасибо картографам, ибо хорошая карта — основа для весьма широкого круга исследований.

Лаборатория в воздухе

Одновременно с картографическими работами на Дружной ведутся фундаментальные геолого-геофизические исследования. Геофизические методы изучения строения земной коры, свойств горных пород в настоящее время повсеместно применяются в практике геологических работ. Несколько лет назад в Антарктиде в горах Принс Чарльз в районе ледников Ламберта и Эймери был

впервые выполнен широкий комплекс геофизических исследований, включающий аэромагнитную съемку, радиолокационное и сейсмическое зондирование ледникового покрова, глубинное сейсмическое зондирование недр Земли. Эти работы были выполнены по инициативе и под руководством известного ленинградского полярного геолога Дмитрия Соловьева. В результате этих исследований были получены данные о характере подледного рельефа и магнитных аномалиях, обрисовывающих пространственное положение крупного железорудного бассейна, сравнимого по своим размерам со знаменитой Курской магнитной аномалией. Но этими достижениями не исчерпывались результаты работ советских геологов и геофизиков. В районе ледника Ламберта удалось выявить и определить границы глубинного разлома земной коры, так называемой рифтовой зоны — гигантской впадины, занятой сейчас крупнейшим ледником Антарктиды, достигающим длины около 600 километров. Эта зона нарушений земной коры во многом сходна с известными восточноафриканскими разломами и представляет большой интерес для ученых.

Работы в районе базы Дружной были задуманы как продолжение исследований в горах Принс Чарльз. Дмитрий Соловьев сам предполагал принять в них участие, но тяжело заболел в своей очередной, девятой по счету антарктической экспедиции и скончался по возвращении. Сейчас его товарищи и коллеги, сотрудники научно-производственного объединения «Севморгео» Министерства геологии СССР успешно продолжают геолого-геофизические исследования на берегах моря Уэдделла.

В воздух поднялась специальная геофизическая лаборатория, оборудованная на борту самолета Ил-14. Это тот самый Ил, который в самом начале наших работ потерпел аварию. Теперь благодаря мастерству авиамехаников он полностью восстановлен. Экипаж самолета с командиром Геннадием Поповым совершает частые полеты, стремясь наверстать упущенное время. Основная задача летающей лаборатории — аэромагнитная съемка. В работах лаборатории участвуют заместитель начальника экспедиции Валерий Масолов, инженеры Сергей Константинов, Вячеслав Волнухин и другие специалисты.

Одному из сотрудников летающей лаборатории — радиофизику

Виктору Боярскому — 26 лет. Он прибыл к нам на Дружную после зимовки на станции Новолазаревской и сразу же включился в работу. Сфера его интересов — радиолокационное зондирование ледникового покрова. Радиолокация позволяет определять толщину антарктических ледников непосредственно с борта самолета по маршруту полета.

Помимо летающей лаборатории на Иле, с помощью легких самолетов Ан-2 геофизики проводят наземные исследования. В намеченных точках высаживается научный десант с аппаратурой. Геофизики Рем Куринин и Валерий Стремский выполняют наблюдения. Астроном Виктор Мясцов определяет географические координаты пунктов наблюдения, ведь результаты должны быть положены на карту. «Аннушки» — машины неприхотливые и удобные для полевых исследований. На них удается проникать в труднодоступные горные районы, совершать посадки в тех местах, где еще никогда не ступала нога человека. Ряд полетов на Ан-2 сделали и геологи. Их возглавлял кандидат геолого-минералогических наук Олег Шулятин.

Значение изучения недр Антарктиды не требует особого пояснения. Подобно другим материкам древнего суперконтинента Гондваны — Австралии, Африке, Южной Америке, — Антарктида — потенциальный район богатейших запасов полезных ископаемых. Ряд крупных месторождений уже известен ученым. Это, прежде всего, уголь и железная руда. Обнаружение новых — вопрос времени. Но ученых привлекают не только поиски полезных ископаемых, многие теоретические проблемы геологии с успехом решаются на антарктическом материке.

...Скоротечно антарктическое лето. Приходит пора завершать исследования. Погода портится, все чаще дуют сильные ветры, все реже ясные дни. Солнце склоняется ниже к горизонту. Температура опускается до минус 20. Сезон летних полевых работ на базе Дружной подходит к концу. К ледяному обрыву шельфового ледника Фильхнера пробился наш старый знакомый, дизель-электроход «Пенжина».

Расступитесь, айсберги!

24 февраля на Дружной был спущен Государственный флаг Советского Союза. Закончена погрузка на дизель-электроход экспедиционных грузов. Среди самых ценных — рулоны отснятой аэрофотопленки, записи показаний геофизических приборов, геологические коллекции.

Перед уходом полярники привели базу в образцовый порядок. Частично заменены и установлены на высокие деревянные опоры линии электропередач. Дома с помощью вертолетов водружены на подставки из пустых бочек. Тщательно прибрана территория базы. Тракторами выровнены улицы Дружной. Все эти меры должны уберечь поселок на леднике от снежных заносов.

Пока еще рано подводить окончательные итоги. Однако уже сейчас можно сказать, что намеченная программа работ выполнена. Геолого-геофизическими и топографо-геодезическими изысканиями охвачены обширные районы гор и ледников Антарктиды. Одна только аэрофотосъемка проведена на площади около 70 тысяч квадратных километров, то есть на территории, примерно равной по размерам такой советской республике, как Латвия. Аэромагнитная съемка охватывает площадь, во много раз большую, — 300 тысяч квадратных километров. В последние дни на летающей геофизической лаборатории выполнены интересные дальние полеты. Два маршрута были проложены в глубь континента: в горы Пенсакола и к Южному полюсу.

База Дружная законсервирована до будущего лета. Дизель-электроход «Пенжина» дал прощальный гудок и взял курс на северо-восток в обход многочисленных айсбергов, нагнанных северными ветрами. У кромки льдов «Пенжина» должна встретиться с теплоходом «Эстония», на борт которой перейдет коллектив нашей базы.

Через сутки долгожданная встреча состоялась. Однако пришвартоваться друг к другу судам мешали ветер и сильная зыбь. К тому же в опасной близости дрейфовали айсберги. Пришлось пересадку людей осуществлять на шлюпках.

Сразу после пересадки суда разошлись. Дизель-электроход направился в район Земли Королевы Мод, где ему предстоит выса-

дять зимовщиков и грузы Новолазаревской, «Эстония» же взяла курс на Молодежную.

Этот комфортабельный пассажирский теплоход совершает свой четвертый антарктический рейс. Привел корабль к берегам шестого континента капитан Игорь Кирьянов. На борту теплохода последняя группа участников 22-й САЭ — полярники станций Молодежная и Мирный.

Скоро перед нашими глазами откроется хорошо знакомая всем, кто уже бывал в Антарктиде, панорама живописного залива Алашеева: крутые ледяные берега, невысокие бурые сопки с мачтами радиоантенн, пестрые яркие дома на сваях, похожие издали на спичечные коробки, сверкающие на солнце емкости для горючего. Это и есть Молодежная — «столица Антарктиды», как ее иной раз называют полярники.

В гостях на Молодежной

Трое суток устойчивый ветер, порывы которого достигали скорости 30 метров в секунду, обрушивался со склонов антарктического ледника вниз к заливу Алашеева, мешал «Эстонии» подойти к ледяному причалу. В море, всего в нескольких милях от станции, было спокойно, в полдень пригревало солнце. У берега же под напором тугой воздушной массы ходили крутые рваные волны, с их гребешков срывало брызги, вода пенилась. Ураганный ветер гнал из внутренних районов клубы снега, поднимал в воздух песчинки, гравий со скал в окрестностях станции. Издали, с борта судна, казалось, что берег застилают клочья тумана, горизонт над ледниковым покровом был размытым, нечетким. Это довольно типичная картина для побережья Восточной Антарктиды. С приближением зимнего периода участились юго-восточные ветры, стекающие сверху, из внутренних районов материка, и поэтому получившие название стоковых. Они не только не дают возможности подойти к берегу, но часто отжимают от причала уже пришвартовавшееся судно, причем толстые швартовые канаты лопаются при этом с легкостью струн. Однако периодически на короткое время стоковые ветры ослабевают. Такого момента и выжидал капитан Игорь Кирьянов. С берегом поддерживалась радиотелефонная связь.

Синоптики станции должны были дать заблаговременный прогноз.

Антарктический метеорологический центр Молодежной получает и перерабатывает информацию со всего Южного полушария, осуществляет прием данных с метеоспутников. Это позволяет следить за развитием атмосферных процессов на юге нашей планеты, давать рекомендации не только для сети антарктических научных баз, но и для судов, находящихся в Южном океане.

Как и предвидели синоптики, стоковый ветер на побережье на время ослабел, и «Эстония» пришвартовалась к ледяному барьеру. Сразу же начались грузовые операции. На берег высаживались участники 22-й зимовочной экспедиции, на борт судна прибывали полярники сезонных групп, зимовщики 21-й САЭ. На станции быстро, по-деловому шла передача дел от начальника 21-й САЭ Геннадия Бардина руководителю 22-й зимовки в Антарктиде Леониду Дубровину. Подписывались соответствующие акты, различная техническая документация.

Пока шла передача дел, я успел бегло осмотреть часть обширного поселка полярников, в котором был последний раз пять лет назад. Молодежная велика, для ее детального осмотра потребовалось бы немало времени. За пять лет произошли большие изменения. На станции смонтировали ЭВМ, появился ряд новых жилых зданий и лабораторий, была введена в эксплуатацию новая, по отзывам зимовщиков, отличная баня с парилкой!

Если тот, кто уже бывал в Молодежной, воспринимает все это как само собой разумеющееся, то на новичка станция, безусловно, должна произвести особое впечатление. И не только внушительными размерами поселка, его благоустроенностью, но и своей необычностью — почти все дома располагаются на высоких ажурных сваях, как бы на ножках.

В кают-компании среди зимовщиков 21-й САЭ я встретил многих товарищей по прежним экспедициям. Встречи в Антарктиде — всегда радостное событие. Для отзимовавших этот день был особенно знаменателен: они покидали станцию, на которой провели свыше года.

Вечером над Молодежной вспыхнули огни фейерверка. Ракеты озарили величественные угрюмые сопки, продолговатые коробки домов вдоль главной улицы поселка, фигуры людей, толпящихся у

вездеходов. Хлопали двери, урчали моторы, чувствовалась особая, связанная с расставанием суета. На востоке низко над сопками взошла большая полная луна, темные пятна лунных морей были видны на удивление отчетливо. Вновь стал усиливаться стоковый ветер, и с судна попросили ускорить погрузку. Вездеходы с полярниками один за другим отбывали к причалу. Через несколько часов «Эстония» покинула Молодежную. И мало кто спал на корабле в эту памятную ночь. Потому что в каждой экспедиции на юг нашей планеты есть два особенно волнующих момента: день встречи и день расставания с Антарктидой.

Радиограммы из Антарктиды

Теплоход «Эстония» держит курс на север. С каждым днем становится все теплее, берега ледяного континента удаляются. Но мыслями мы все еще в Антарктиде, вспоминаем тех, кто продолжает трудиться на южнополярном континенте. И наши друзья в Антарктиде не забывают нас: на судно поступают их радиограммы о последних событиях.

Биолог Сабит Абызов сообщил о предварительных результатах микробиологических исследований на станции Восток. Бурение специальной скважины в леднике доведено до глубины 312 метров. Из керна отобрано более 350 микробиологических проб. Большая часть их содержится в запаянных колбах на различных питательных средах. В этом году испытывался специальный состав питательной среды. Она предназначена для обнаружения микробов в особо суровых природных условиях.

Интересные материалы получены в результате впервые проведенных на станции Восток исследований содержания микроорганизмов в воздухе. После многократных анализов больших объемов воздуха лишь в одном случае была обнаружена бактериальная колония, что указывает на исключительную чистоту атмосферы южнополярного района в микробиологическом отношении. Занос сюда микроорганизмов весьма незначителен и, по-видимому, имеет непостоянный характер. Аналогичные результаты получены при микробиологических анализах поверхности снега. Изучение количества микроорганизмов в толще ледника также говорит об их

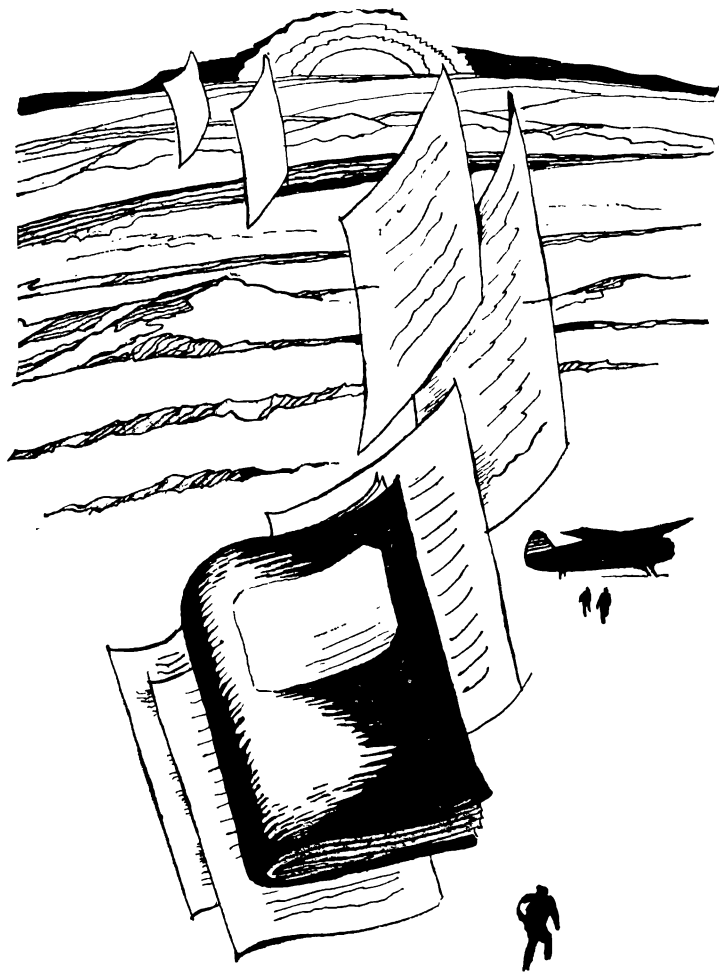
большой рассеянности, на глубинах около 300 метров они встречаются крайне редко. Однако окончательный вывод о максимальной глубине, где обнаруживаются жизнеспособные микроорганизмы, можно сделать только после тщательного анализа проб, которые будут вскрыты и исследованы в стерильной камере Института микробиологии в Москве.

Большой интерес представит изучение под микроскопом так называемых мембранных фильтров, через которые были профильтрованы большие объемы воды с различных горизонтов ледниковой толщи. В них могут быть обнаружены пыльца и споры древних растений, космическая и вулканическая пыль, попавшие в лед многие тысячелетия назад.

В другой радиোগрамме гляциолог Павел Королев сообщает, что в Мирный возвратились участники трех научных санно-гусеничных походов по Центральной Антарктиде. Исследователи на мощных «Харьковчанках» и других вездеходах проложили ряд маршрутов через внутренние районы ледяного континента. В походах выполнялись геофизические, гляциологические и специальные буровые исследования. В этих работах участвовали специалисты Института географии и Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн из Москвы, а также Горного института из Ленинграда. Вместе с советскими учеными работал австралийский гляциолог.

От первого помощника капитана дизель-электрохода «Михаил Сомов» Бориса Моисеева пришло известие, что судно встретило тяжелые льды у станции Ленинградская и не может выйти на чистую воду. С помощью вертолетов, пилотируемых Германом Малоярославцевым и Владимиром Фатеевым, удалось снабдить Ленинградскую всем необходимым, произвести смену зимовщиков. Однако до сих пор судно не освободилось из ледового плена. Если ледовая обстановка в этом районе не изменится, на подмогу «Михаилу Сомову» отправится «Пенжина». В апреле последние суда должны покинуть Антарктиду, чтобы появиться там вновь к концу года, когда в южные широты придет весна.

В Антарктиде на шести наших станциях остаются зимовать около 250 полярников. Им предстоит долгая, напряженная работа на самом суровом и далеком материке нашей планеты.

Всем нам случалось, встретив товарищей... вспоминать о самых тяжких испытаниях, которые мы пережили вместе.

Антуан де Сент-Экзюпери

ГЛАВА 5. ПРОСТИТЬСЯ С АНТАРКТИДОЙ

Штрихи к полярным биографиям

Более чем за два десятилетия исследований в Антарктиде побывало уже несколько тысяч советских людей, специалистов самого различного профиля. И к тем, кто трудится в полярных районах, будь то Арктика или Антарктида, отношение неизменно уважительное, ибо суровые условия высоких широт требуют не только физической закалки, но и духовной стойкости и выдержки. В жизни тех, кого называют полярниками, возникает немало трудностей, физических и психических перегрузок. Однако сами полярники, как правило, не считают свою работу какой-то особенной, исключительной. Они привыкли, приспособились к ней.

На борту «Эстонии» возвращается много ветеранов, для которых Антарктида стала привычным, обжитым местом, но немало и тех, кто побывал на южном материке впервые. Есть тут мои давние товарищи, и те, кого не знал раньше. О многих полярниках мне хотелось бы рассказать. Вот штрихи к двум таким биографиям: один из полярников открыл для себя Антарктиду, другой — простился с ней.

...Николай Шпагин — командир экипажа самолета АН-2, работавшего на Дружной. Ему 37 лет. В Антарктиде в первый раз. Шпагин — авиатор из старинного русского города Владимира. Он мастер парашютного спорта. Неоднократно входил в сборную страны, высту-

гал на многих международных соревнованиях. Установил несколько мировых рекордов. Из них не все еще были побиты, когда он уезжал в Антарктиду. Побывать на южном материке захотел сам и добился этого. Жалеет только, что это случилось поздно. Вот был бы помоложе... Николай полюбил летать над этой великой ледяной пустыней, где можно по-настоящему испытать себя, оценить свои возможности. А это важно для летчика ищущего, думающего.

...Владимир Мальцев — гидрограф. Среди нас он, пожалуй, самый старший — 58 лет. Участник семи антарктических экспедиций. Впервые увидел Антарктиду в возрасте Шпагина — тридцатисемилетним. Считает, что у того есть еще немалый резерв времени. «Вот знаменитые полярные летчики Илья Мазурук, Михаил Каминский, Иван Черевичный действительно попали в Антарктиду в годах, перед пенсией, и то успели тут полетать. А Шпагину грех жаловаться».

Владимир Николаевич в Отечественную воевал на Балтике — очищал фарватер от мин, награжден боевыми орденами и медалями. И в мирное время специалисту его профиля много работы. Он зимовал в Мирном и на Молодежной, ходил штурманом санно-гусеничных походов по Центральной Антарктиде, но большую часть времени, знаний и умения отдал исследованию антарктического побережья. Ведь антарктические станции, особенно такие, как Молодежная и Мирный, летом становятся оживленными портами. Судоводителям необходимо знать подходы к причалам, иметь детальные карты глубин: у берегов много мелей, подводных банок, глубины на пределе, легко получить пробойну. Кроме составления точных карт, на прибрежных скалах нужно создать систему створных знаков, обозначающих фарватер.

«Очевидно, нынешняя экспедиция — последняя для меня, врачи ё трудом отпустили. Хотя давление нормальное. Верхнее выше 130 не поднимается. Но врачей можно понять, возраст их пугает. Как никак — Антарктида! Но меня, хоть и со скрипом, все же выпустили. Правда, сказали, в последний раз — проститься с Антарктидой. Эх, мне бы сейчас шпагинские 37!»

«Проститься с Антарктидой» — в этих словах не только грусть, что пришла пора расстаться с полярными путешествиями, в них нежность к далекому южнополярному краю, гордость, что в изучение и освоение его внесена твоя немалая лепта. Совсем, как у Владимира

Маяковского: «...Но землю, с которой вместе мерз, вовек разлюбить нельзя...»

О скольких еще антарктических товарищах, увлеченных, преданных любимому делу, верных своему долгу, стоило бы рассказать! В особом долгу я перед друзьями по моей первой экспедиции...

Из старого дневника

На карте Восточной Антарктиды у самой береговой черты можно отыскать два названия: ледник Зыкова и мыс Буромского. Об истории их появления на карте Антарктиды я и хочу рассказать.

Шел 1957 год — год особенный для науки. В наиболее труднодоступные районы, к полюсам Земли отправились экспедиции вести исследования по Международной геофизической программе. Ученые многих стран согласовали свои планы, объединили усилия. И для меня тот год стал особенным — я впервые попал в Антарктиду. Эта первая экспедиция и определила мою судьбу.

Нашу небольшую географическую группу возглавлял известный географ, ныне академик, профессор Константин Константинович Марков. Морская часть экспедиции на дизель-электроходе «Лена», в которую мы входили, изучала побережье Антарктиды.

Наше судно, трюмы которого были заполнены грузами для зимовщиков, запоздало с приходом в Антарктиду. Припай — береговой морской лед, на который удобнее всего разгружаться, — разрушился. Но так или иначе, разгрузиться было необходимо.

Много лет прошло с тех пор. Минувшее отступило далеко назад. Но вот я листаю страницы своего старого дневника. И тогдашние переживания снова захватывают меня. Да, мысли мои порой наивны, выражаю я их чересчур прямолинейно, бываю скор в оценках, кое в чем ошибаюсь. Но за одно ручаюсь — за искренность. Мне исполнилось тогда 22 года. Нас несколько таких ребят — счастливых, которым несказанно повезло. Не беда, что мы всего лишь практиканты, не получаем зарплаты. Наоборот, мы чувствуем себя в долгу.

Начало февраля 1957 года. Эти дни запомнились на всю жизнь. Я не берусь сейчас через столько лет добавлять что-то от себя. Вот строки моих старых дневниковых записей.

«...Четвертый день «Лена» ищет новое место для выгрузки. Наконец швартуемся к ледяному барьеру в трех километрах к западу от Мирного. Место мале удобное, но лучшего нет. Барьер высотой до 12—15 м. Стрела крана еле достает до края. Кое-где видны трещины, нависают ледяные карнизы. Часть карнизов подорвали, обрушили взрывами, но другие пришлось сохранить, иначе груз неудобно подавать с корабля.

На одном из таких карнизов, против четвертого трюма, начала работать наша бригада: 5 человек. Бригадир главный механик Евгений Желтовский, трое моряков и я. Карниз состоит не из льда, а из довольно рыхлого, слоистого фирна: лом уходит внутрь, как в масло. Если он рухнет — не сдобровать, и высоко, и вода ледяная. А под обрывом часто выныривают хищные косатки: кормятся отбросами с камбуза.

Странная настороженность овладевает, когда находишься на карнизе. Подходишь к самому краю, когда нужно принять груз и отцепить его от стрелы. Чувствуешь, что вмиг все может оборваться. Весь собираешься, словно готовясь к прыжку, даже говорить начинаешь почему-то тихо, почти шепотом. Из-за этого постоянного напряжения устаешь не так сильно физически, как морально. Но вот проходит время, приближается конец 12-часовой смены, и на напряженных лицах работающих на барьере появляются улыбки. Темп разгрузки ускоряется. Один за другим подходят трактора с волокушами — плоскими металлическими санями на прицеле. Трактор останавливается поодаль, а волокушу на тросе подают к краю барьера. Тут мы складываем на нее грузы, поднятые краном из трюма.

Идет последний час. Лица товарищей веселы, слышатся шутки, вроде бы и усталость пропала, становишься беспечным и, наконец, забываешь о возможном обвале. Немного в стороне, метрах в двухстах, с треском рушится в воду небольшой ледяной карниз, но это уже никого не пугает, не настораживает. Мы кончаем смену. Нам полагается законных 12 часов отдыха. Наши последние груженные сани уходят от карниза.

Поднимаешь голову, замечаешь, какая же красота вокруг. Малиновые краски антарктического заката разлились на полгоризон-

та. Айсберг поблизости светится изнутри зеленовато-голубоватым огнем, а в его подводной части видны темные пещеры.

Довольные, мы шагаем по трапу на корабль, а навстречу нам — наша смена. Лица сменщиков хмуры, заспаны, им до веселья еще далеко. Подбадриваем товарищей, желаем им удачи, а сами идем спать.

3 февраля 1957 г. Пурга, затруднявшая накануне работу, прекратилась, и тяжелым, влажным снегом покрыто все кругом. Снег лежит на палубе, на оснастке судна, придавая кораблю нарядный облик. Небо прояснилось. Работается весело. Странно, но меня все же не оставляет чувство приближающейся опасности. Проходит 4 часа, перерыв. Полчаса отдыха. Встречаю своего руководителя. Он идет получать резиновые сапоги. На палубе слякоть — ботинки профессора размокли. В кладовой выдает обувь гидрограф Николай Буромский, он материально ответственный. У Буромского выразительная внешность: рыжая борода, запавшие глаза. Ему лет тридцать пять. Лицо еще разгорячено работой. Он разгружает соседний — третий трюм, метрах в десяти от нас вдоль края карьера. Оригинальный человек этот Буромский: всегда корректный, предупредительный, но с какой-то немного кислой улыбкой. И настроен пессимистически, любит поворчать, редко кого похвалит, все замечает недостатки. Но сейчас и он доволен. Утром получил радиogramму — семье выделили отдельную квартиру! Все поздравляют, похлопывают его по плечу, называют счастливым. У него праздник!

Вместе с Буромским на барьере работает мой сверстник, курсант ЛВИМУ — Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С. О. Макарова — Евгений Зыков. Немногословный, спокойный, основательный. Курсантов в экспедиции несколько человек, и все связаны тесной дружбой. Все за одного, один за всех! И я тянусь к их группе. Женя Зыков как бы цементирует нас своим твердым взрослым характером. Еще в их бригаде геофизик Игорь Гончаров, мой сосед по кубрику. Шумный, веселый, за словом в карман не полезет. Заражает своим настроением всю бригаду. Зато ремонтный механик Иван Анисимов неразговорчив. Из гидрографов еще работает в этой бригаде Анатолий Дадашев. У него восточная внешность и такой же темперамент. И сам бригадир — Роман

Книжник тоже гидрограф. Он нас постарше и кажется мне загадочным. Два месяца с ним на корабле, а ничего сказать про него не могу. Скрытый характер.

Друг мой, Владлен Измайлов, также курсант ЛВИМУ, внизу в трюме стропит грузы. Молодежи на корабле много, около половины состава экспедиции — не старше 30. В трюме, где работает Измайлов, обстановка мрачная, темновато, сыро, остро пахнет бензином. Только небо, как со дна колодца, сияет над головой. У нас же на барьере море света, воздуха.

Поздно вечером выходим на последние 3 часа работы. Из трюма сейчас идут в основном бревна. Зимовщикам строительный материал пригодится, здесь, в Антарктиде, он на вес золота. Впрочем, не только бревна, все здесь одинаково ценно, ведь все привозное. Но вот наш трюм почти очищен. Стрела подает на барьер связку тонких труб. Принимаем трубы, цепляем всю связку за трос. Трактор оттащит их от края барьера волоком.

Наш бригадир Желтовский стоит рядом со мной, в пуховой куртке, застегнутой на все пуговицы. Вот он поднимает руку в рукавице, делает знак трактористу: можно оттягивать трубы. Тракторист трогает, трубы заскользили, оставляя за собой ржавые полосы. Как это Желтовский может работать в пуховике? Мне и в обычном ватнике не холодно. И стоящим рядом матросам жарко. Один работает в брезентовой робе, нараспашку, щеголяет своей тельняшкой.

И опять есть несколько минут, чтобы осмотреться. Солнце скрылось на юге за ледяным куполом, и хотя не уходит далеко и света достаточно, на океан, на лед ложатся длинные сиреневые тени. Антарктический полярный день на исходе. А в небе над морем белесая, почти бесцветная бахрома, чуть колеблется, как под легким ветром. Полярное сияние! Я вижу его впервые.

И вдруг все сотрясает глухой гул. Прямо из-под самых моих ног рушится край барьера. Стоявший рядом бригадир Желтовский издает нечленораздельный вскрик и уходит вниз на огромной глыбе. Глыба на глазах разваливается, и фигура его поворачивается и валится вниз головой. Ухает обвалившаяся в воду масса, поднимаются вверх брызги, смешанные со снежной пылью. Борт корабля

отбрасывает в сторону. Видно, как крупные волны с крошевом снега и льда расходятся в стороны. И на мгновение устанавливается тишина, словно заложило барабанные перепонки. Я стою один на самом краю барьера. Справа от соседей с третьего трюма раздается крик. Я поворачиваюсь. Еще мгновение назад там нагружались сани, слышались веселые возгласы. А сейчас пусто. На тросе над морем свисают сани, а на их краю, зацепившись за угловую балку, болтается один человек — бригадир Книжник. Сани тяжелые, трос не такой уж прочный, натянут, как струна, вот-вот лопнет. Я поднимаю руки, кричу. Тракторист, который находится метрах в 80, недоуменно выглядывает из кабины, он еще не сообразил, что там у нас произошло. Но, увидев мои знаки, включает скорость. Сани медленно выползают на край барьера. Близко передо мной перекошенное лицо Книжника складывается в нелепую улыбку.

А внизу из хаоса ледяных обломков слышатся крики. «Але, але!» — доносится голос Желтовского. На небольшой льдине двое. Один лежит, уткнувшись в снег, другой бегаёт вокруг, машет руками, потом нагибается над лежащим.

Кто-то плывет саженками к кораблю. Ему сбрасывают с борта конец со спасательным кругом.

Под самым обрывом на ледяной глыбе стоит еще один человек. Я узнаю Игоря Гончарова. Он сохраняет завидное хладнокровие. В воде плавают бочки, еще какие-то темные предметы. Сумерки, видно плохо. Где-то там, среди ледяных обломков, наш бригадир.

А с палубы корабля — крики; с мостика — хриплый, срывающийся голос капитана: «Где шлюпки? Где шлюпки?» А шлюпок нет, видно, моторы никак не заводятся.

«Але, але», — снова доносится слабеющий голос главного механика.

Мы стоим на барьере. И помочь ничем не можем. Не прыгнешь же туда вниз с 15-метровой высоты. А прыгнешь — тебя же нужно будет спасать.

И от невозможности помочь находит какая-то странная апатия. Бригадир Книжник все еще сидит на санях и улыбается, остальные смотрят вниз.

Шлюпок все нет, но разносится сирена нашего катера «Пингвин». На нем гидрографы выполняли промерные работы. А сейчас, на счастье, он только что пришел из Мирного, стоял у борта «Лены». Катер подходит к тонущим, одного за другим их втаскивают на борт.

Проходит еще какое-то время. Появляются шлюпки. На веслах идут вдоль ледяного обрыва. Ищут: все ли подобраны? С корабля в рупор просят назвать наши фамилии, кто остался на барьере. Мы поочередно выкрикиваем. Проходит еще полчаса. Выясняется, что вместе с обвалившейся частью барьера в воду упали 9 человек. Трое из нашей бригады, шестеро из соседней, с третьего трюма. Там к моменту обвала как раз загрузили сани трехсоткилограммовыми бочками...

И вот сообщают: все упавшие обнаружены и находятся на борту, но двое скончались — Евгений Кириллович Зыков и Николай Иванович Буромский.

Не сразу до сознания доходит вся нелепость и непоправимость происшедшего.

Случившееся обрастает подробностями. У Жени Зыкова — перелом позвоночника. Смерть, очевидно, наступила мгновенно. Николая Буромского убило бочкой. Наш Желтовский получил повреждение таза, но уцелел, не потонул, говорят, благодаря своей куртке на гагачьем пуху. Она не сразу промокла и держала его наподобие спасательного пояса. В тяжелом положении Анисимов, у него сломано бедро и поврежден череп, он без сознания. У остальных состояние приличное.

Последующие несколько дней словно слились в один и окрашены одним настроением. Все подавлены. Решается вопрос о дальнейшей разгрузке. «Лена» продолжает стоять на прежнем месте, уткнувшись носом в злополучный барьер. Гляциологи из Мирного, осмотрев его, дают отрицательное заключение. Выгрузка здесь слишком опасна. Но разгружаться надо. Иначе нашим товарищам на зимовке придется туго.

Остается использовать шлюпки. Грузим баллоны с ацетиленом. По десятку в одну лодку. Перевезти таким образом нужно около тысячи штук. На мысе Хмары у Мирного выгружаемся на невы-

сокую скалу. Дальше идет крутой подъем к станции. Сюда мы за-
таскиваем баллоны, стараясь не ударять их о камни.

В перерыве развели на скале небольшой костер из обломков
деревянной тары. Стояли молча вокруг, замороженно смотрели на
огонь. К вечеру похолодало, усилился стоковый ветер. Начала пе-
реметать поземка. Барьер «задымил». Шлейфы снега протянулись
от его края, как длинные распущенные волосы. Над морем ветер
терял силу, снежинки оседали в темную воду.

На другой день приспособили к выгрузке понтоны. В трюмах
осталось несколько сотен бочек с горючим. «Пингвин» и моторные
лодки буксируют груженные понтоны к небольшому скалистому
острову близ Мирного. Берег острова низок, удобен для выгрузки.
Настилаем доски и начинаем катать бочки.

В ожидании очередной партии бочек островитяне сколачивают
из досок небольшой домик — укрытие от ветра. На коньке умелец-
плотник вырезает фигурку забавного человечка во всей красе, со
всеми мужскими доблестями. Кажется, впервые за эти несколько
дней после случившегося мы неестественно смеемся, а потом, сму-
тившись, умолкаем.

От грустных мыслей отвлекают пингвины. Их тут целая колония,
подвижных пингвинов Адели. Забавные создания, они то сидят, на-
хохлившись, то резвятся, ныряя в воду. Цепочкой спускаются по
своей тропинке к берегу, смешно плюхаются в воду. Потом ловко
выпрыгивают обратно на скалы, направляются к насиженным мес-
там.

На соседнем острове, всего в нескольких сотнях метров от нас,
сооружают могилы. Они будут в скальных нишах. Тела погибших эти
дни находились в нескольких километрах к югу от Мирного, на
куполе, где царит вечный холод и откуда к нам вниз скатывается
стоковый ветер.

Вечером 12 февраля на острове состоялись похороны. Среди
скал площадка и ниша, обращенная к западу, прикрытая нависаю-
щими скалами от стоковых ветров. Мы проходим мимо могил, про-
щаясь с товарищами.

...Шлюпка везет нас обратно к кораблю вдоль самого края ле-
дяного барьера. Ветер срывает пену с волны, окатывает холодными
солеными брызгами. Я смотрю вокруг другими глазами. И чувств-

вую — эти дни не забудутся. Они переломные в моей жизни, в моем характере. И еще чувствую — с Антарктидой теперь связь тесная, кровная. Я уже не случайный здесь человек, я вернусь к этим далеким, ледяным берегам...»

На этом можно прервать дневниковые записи.

Мало кому известно об этом случае. Промелькнули сообщения в газетах. Место, где произошел обвал, стали называть «Барьером от-важных».

С тех пор прошло много лет. Я еще пять раз возвращался к берегам Антарктиды. Многие мои товарищи по той первой экспедиции стали полярными исследователями.

На острове близ Мирного я давно не был. В этот раз, когда плыл в Антарктиду, слышал от опытного полярника Василия Сидорова, что сейчас там покоится 28 человек. Сидоров шел зимовать начальником Мирного и, рассказывая новичкам об «острове вечной зимовки», вспоминал многие славные имена. И те, кому еще только предстояла встреча с Антарктидой, узнали о выдающемся метеорологе, обаятельном человеке Оскаре Кричаке и семерых его товарищах: Анатолии Белоликове, Игоре Попове, Василии Самушкове, Александре Смирнове, Алексее Дергаче, Олдржихе Костке и Христиане Поппе; узнали о трактористе Иване Хмаре, аэрологе Николае Чугунове, гляциологе Валерии Судакове и других полярниках, отдавших свои жизни во имя изучения суровой южной земли. Одна фраза Сидорова мне особенно запомнилась: «Не дай бог остаться на этом острове, не за тем едем!»

Всякое случается в экспедиции, особенно такой сложной, как антарктическая. И наши зарубежные коллеги потеряли в Антарктиде немало своих товарищей. Общее число погибших на южном континенте давно превысило 100 человек. И почти никто не умирал здесь своей смертью. Всего предвидеть не удастся. Иногда сознательно приходится идти на риск. Теперь, имея свой собственный опыт, я это прекрасно понимаю.

С 1957 года не оставляло меня чувство, что я должен написать о своих погибших товарищах. Считал я себя словно в долгу перед ними. Я снова и снова плавал в Антарктиду. Для них же та экспедиция осталась первой и последней.

Пытался я написать об этом случае рассказ. Но даже доля вы-

Думки, необходимая в этом жанре, оказалась мне неуместной. И рассказ не получился. Потом я понял, что правильнее всего будет ограничиться строками дневника.

Дорога к дому

Уже больше месяца, как мы на борту «Эстонии». Путь на Родину не близок. Хотя все участники рейса сильно соскучились по дому, время в плавании проходит незаметно. В экспедиции подводятся итоги работ, подготавливаются отчеты. Не прекращаются и научные наблюдения. С борта теплохода проводится изучение загрязнения атмосферы. Для этой цели на верхнем мостике установлена аппаратура, с помощью которой улавливаются примеси, содержащиеся в воздушном потоке. Изучение полученных проб в лаборатории позволит оценить концентрации в воздухе ядохимикатов и других вредных веществ на разных широтах Атлантики. Эту работу проводит кандидат географических наук Александр Осадчий, сотрудник Института экспериментальной метеорологии, расположенного в подмосковном городе Обнинске. Известно, что даже в отдаленные полярные районы с потоками воздуха и морских вод попадают вредные вещества. Так, следы ДДТ были обнаружены в организмах животных, обитающих в Антарктиде. Глобальная загрязненность природной среды ныне волнует ученых всего мира.

...Разнообразен досуг участников экспедиции в плавании: лекции ученых, радиогазеты, спортивные соревнования, концерты художественной самодеятельности. Первый помощник капитана Александр Бараков — прекрасный организатор. К тому же на все руки мастер — музыкант, инструктор по самбо. От моряков не отстают полярники. Многие из них не обделены талантами. Даже вернисаж состоялся на корабле. Зимовщики Молодежной Николай Способин и Николай Швырков с большим успехом показали в пассажирском салоне свои картины.

Чтобы пополнить запасы воды и топлива, наш теплоход зашел в порт Санта Крус на Канарских островах. А еще через два дня «Эстония» взяла курс дальше на север. Остался последний переход. Антарктическое плавание подошло к концу. 7 апреля мы вошли в спокойные воды Рижского залива.

Я иногда возвращаюсь мыслями
в прошлое и снова вижу снежные поля,
сверкающие в лучах солнца.
Вижу морские льды и айсберги,
разбросанные по синему морю,
вижу горы, вздымающие свои вершины
в одиноком величии.

Роберт Фолкон Скотт

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исследования в Антарктиде продолжаются. Интерес к южнополярному матерiku не только не ослабевает, но неуклонно растет. Увеличивается и число стран, ведущих работы в южных полярных широтах.

Зимой 1978 года в Антарктиде, южнее 60° ю. ш. действовало 33 станции. Некоторые из них совсем новые. К примеру, поляки организовали на острове Кинг-Джордж станцию Арктовский. В летний период за счет сезонных баз, таких, как наша Дружная, общее число антарктических поселков значительно возрастает.

Уже не слишком удивляют смелые рейды яхтсменов в Антарктику, привычным делом становится антарктический туризм.

Все чаще дебатировются вопросы о возможной разработке полезных ископаемых на южном материке, и вместе с тем звучат трезвые голоса, предостерегающие от излишней поспешности, призывающие к бережному, разумному, научно обоснованному подходу к данной проблеме, дабы не нарушить экологического равновесия, предохранить уникальную южнополярную природу от порчи и загрязнения. Именно такую осмотрительную позицию занимает наша страна. Один из конкретных шагов по охране антарктической природы — организация в 1979 году в обсерватории Мирный первой в Антарктиде базовой фоновой станции для наблюдения за состоянием окружающей среды. Для того чтобы заблаговременно оценить влияние хозяйственной деятельности человека, будут анализироваться пробы воздуха, снега и льда.

В 1978 году в Антарктиде произошло еще одно знаменательное

событие. На аргентинской станции Эсперанса, в коллективе которой находились и женщины, полярники торжественно отметили первый в истории южнополярного континента случай рождения человека. Исследования в Антарктиде перестают, таким образом, быть привилегией мужчин. Шестой материк со всевозрастающей активностью осваивается человечеством.

Продолжает действовать и сезонная база Дружная, о работе которой рассказано в этой книге. Только сейчас основным объектом изучения выбран не хребет Шеклтона, а другие горные массивы, окаймляющие гигантский шельфовый ледник Фильхнера — Ронне.

Советские ученые не прекращают исследования внутриконтинентальных районов Антарктиды. Здесь ежегодно проходят трассы санно-гусеничных походов, ведутся гляциологические, геофизические наблюдения, проводится бурение ледникового покрова.

И каждый год поздней осенью наша Родина провожает участников очередной антарктической экспедиции в дальний рейс, а весной радостно встречает возвратившихся цветами. И обычно все те же суда — «Михаил Сомов», «Башкирия», «Эстония», «Профессор Зубов», «Профессор Визе» — с опытными, привычными к трудностям полярного плавания экипажами идут в Антарктиду.

И в каждом рейсе непременно встретишь своих старых знакомых по экспедициям, дорогих сердцу друзей-полярников, с судьбами которых переплеталась и твоя судьба.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава 1. В долгом плавании	5
Глава 2. На ледяном барьере	17
Глава 3. В горном оазисе	43
Глава 4. Конец летнего сезона	73
Глава 5. Проститься с Антарктидой	83
Послесловие	94

Владимир Игоревич Бардин

В ЮЖНЫХ ПОЛЯРНЫХ ШИРОТАХ

Зав. редакцией научно-художественной
литературы М. Новиков

Редактор К. Томилина

Мл. редактор Н. Афанасьев

Художник Г. Басыров

Худож. редактор Т. Егорова

Техн. редактор Т. Луговская

Корректор Н. Мелешкина

ИБ № 2840.

Сдано в набор 17.10.79. Подписано к печати 14.03.80. А 03201.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарни-
тура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л.
4,2+0,70 вкл. Уч.-изд. л. 5,14+0,63 вкл. Тираж 40 000 экз.
Заказ 10490. Цена 25 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП,
Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 807718.
Типография издательства «Коммунист». Саратов, ул. Волжская,
28.

25 K₄

